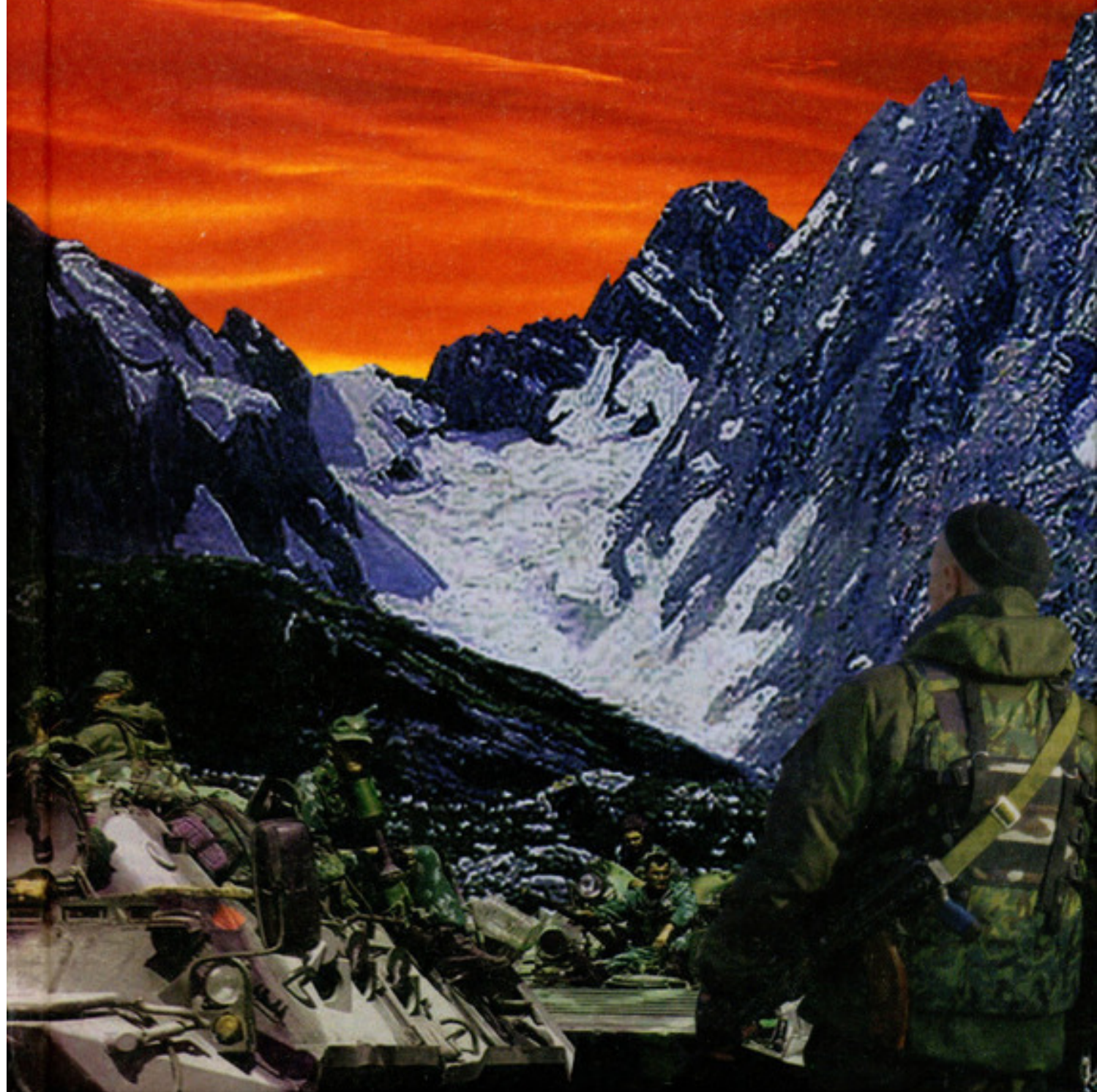

Александр Александров

ДВАЖДЫ - НЕ УМИРАТЬ

Александр Александров

Дважды – не умирать

«Автор»

2014

Александров А. В.

Дважды – не умирать / А. В. Александров — «Автор», 2014

Книга повествует о судьбе российского военнослужащего, который волею обстоятельств во время боевых действий на Кавказе, оказывается в плену у боевиков. Перед ним стоит непростой выбор: принять Ислам и обрести долгожданную свободу или погибнуть, но не предать Православную веру. Армейская тематика тесно переплетена с гражданской жизнью, которая периодически предстает на страницах романа в виде воспоминаний героя. Эти отступления помогают читателю лучше понять, как формировалось его мировоззрение, как мужал, закалялся и креп его характер. Роман состоит из двух частей. Первая часть – учеба молодого бойца в сержантской школе, суровый армейский быт, постижение азов боевого мастерства, дружба, взаимовыручка... Часть вторая – война, плен и нравственный выбор героя, который под силу далеко не каждому.

© Александров А. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	38
Глава 5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Александров

Дважды – не умирать

Часть I

Глава 1

Морозным декабрьским утром группа молодых, коротко стриженных солдат остановилась возле контрольно-пропускного пункта воинской части № 7329. Со всех сторон территории воинского городка окружал высокий кирпичный забор, архитектурой своей поразительно напоминавший кремлевскую стену. На слегка припорошенных снегом темно-зеленых железных воротах тускло краснели большие пятиконечные звезды.

– Перекурите пока, – сказал солдатам сопровождающий их офицер и, перехватив поудобнее ручку своего кожаного портфеля, исчез за тяжелой, звонко скрипнувшей на морозе дверью. Облако белого пара вырвалось из теплого помещения наружу.

Поеживаясь от холода, солдатики сбились в тесный круг перед входом. В новых, необмятых еще шинелях, в неразношенных, начищенных до зеркального блеска кирзовых сапогах... По всему видать – только-только с гражданки.

Неподалеку двое местных служивых очищали от снега деревянными лопатами тротуар. Увидев вновь прибывших, подошли.

– Закурить есть?

– Есть... – один из «молодых» скинул с плеч туго набитый армейский вещевой мешок и достал сигареты. – Угощайтесь.

Местные не торопясь, закурили.

– Откуда, пацаны?

– Из Казани.

– Семьсот тридцатый, отдельный?..

– Точно.

– У меня там земля служит, – оживился местный. – Костя Велихов. Не знаете?

Солдаты неуверенно пожали плечами.

– Да откуда им знать? – вмешался второй. – Они же еще «молодые», а Костя – «дедушка».

Его напарник согласно кивнул и, затянувшись сигаретой, выпустил через ноздри белесый дым.

– А чего к нам, сюда?.. В командировку?

– Учиться... В сержантскую школу, – ответил за всех парень, что угощал сигаретами.

– О-о-о-о!.. – воскликнул местный. – Тогда я вам не завидую!.. Вы хоть знаете, куда попали?

– Это же «Дзержинка»! Слыхали? – его напарник обвел взглядом притихших «молодых». – Кто прошел через эту школу, тому не страшен Саласпилс...

– А что такое Саласпилс? – наивно поинтересовался кто-то из ребят.

– Не знаешь?.. Концлагерь во время Второй мировой войны.

Все засмеялись, оценив черный юмор.

– Ладно, бывайте, пацаны... Спасибо за сигареты, – местный пальцами загасил недокуренный «бычок» и сунул его за козырек солдатской ушанки. – Как звать-то тебя?

– Саша, – негромко произнес угощавший их «молодой», но тут же поправился. – Александр Урманов.

– А меня Роман Чижов... – служивый улыбнулся и протянул руку. – Из автороты мы... Еще увидимся.

Учебное подразделение, в котором предстояло проходить службу вновь прибывшим, располагалось в большом кирпичном здании. Под одной крышей с учебной ротой находились «школа снайперов», «школа радистов», «школа военных водителей»... И это не считая солдат линейной роты, с которой «сержантская школа» делила первый этаж.

Над центральным входом в казарму висел не успевший еще поблекнуть красочный транспарант: «Служба в спецчастях Внутренних Войск – уважаема и почетна!»

Продрогшие на зимнем холодном ветру солдаты в колонну по одному прошли сквозь двойные стеклянные двери с табличкой «Учебная рота» и выстроились в шеренгу на проходе. С двух сторон их окружали ряды двухъярусных коек. Постели были заправлены идеально: матрасы, туго обтянутые синими шерстяными одеялами напоминали огромные плитки шоколада; сверху на них лежали такие же «отформованные» белоснежные подушки. Сами кровати, тумбочки между ними и длинные ряды табуретов стоящие вдоль прохода, были выровнены по ниточке. Причем, буквально... Вновь прибывшие уже знали, как это делается. Берется толстая длинная нить, один конец которой прижимается к верхнему краю спинки первой в ряду кровати. А другой конец точно так же прижимается к спинке дальней... И по этой туго натянутой нити, как по шаблону, строго выравниваются все, стоящие в ряду кровати. Потом точно так же выравниваются подушки, тумбочки, табуретки. Получается идеально ровно. Как на картинке...

В расположении кроме новеньких не было никого. Только дежурный по роте – белобрысый коренастый сержант – с любопытством рассматривал их, опершись о подоконник. Заметив сопровождающего офицера, он быстро поправил красную нарукавную повязку и строевым шагом вышел навстречу.

– Товарищ капитан, дежурный по роте сержант Лавров!

– Вольно, – остановил его офицер. – У себя?..

Капитан кивнул в сторону двери, с надписью «Канцелярия».

– Так точно, – вытянулся в струнку сержант.

Офицер вошел в кабинет командира роты. Солдаты замерли в ожидании.

– Слышь, Сань, – тихо произнес стоящий рядом с Урмановым паренек – А, может, зря мы сюда приехали?

– Раньше надо было думать. Теперь-то чего...

Сам Урманов ни в чем не сомневался. Он знал, что будет трудно, но его эти трудности не пугали. Он был готов ко всему... Еще в карантине, где только что призванная молодежь постигала азы военного дела, командир отделения сержант Мурыгин, с которым у него сложились неплохие отношения, сказал: «Хочешь увидеть настоящую службу – езжай в сержантскую школу. Будет хоть что на гражданке вспомнить» И Урманов решил – еду! Тем более что к службе он был готов: перворазрядник по боксу, охотник, хороший стрелок...

– Смирно! – неожиданно громко рявкнул дежурный по роте.

Из распахнутой двери вышли два капитана. Тот, что привез ребят и смуглый, подтянутый офицер – по всей видимости, командир учебной роты.

– Здравствуйте товарищи курсанты!

– Здра-а... Жела-а... Това-а... Капита-а-ан! – прозвучал в ответ нестройный хор.

– Моя фамилия Курбатов, – произнес, поправляя кожаную портупею офицер. – На ближайшие пол года – ваш непосредственный начальник и командир. С сегодняшнего дня все вы становитесь курсантами учебной роты. За время учебы вам предстоит не только самим стать хорошо подготовленными, грамотными воинами, но и научиться командовать отделением, взводом... В нашей сержантской школе вы овладеете приемами рукопашного боя, осво-

ите все виды современного стрелкового оружия, изучите основы психологии, тактики, военной топографии... Но главное – станете настоящими мужчинами, способными принимать решения и нести ответственность не только за себя, но и за других.

Потом капитан дал команду вольно и приказал дежурному по роте заняться обустройством прибывших новичков.

Коренастый сержант Лавров выдал каждому постельное белье и указал, кто где будет спать. Койка Урманова оказалась по соседству с койкой Кольцова, а сверху, прямо над ним, на втором ярусе «прописался» Гвоздев. С обоими парнями Урманов познакомился еще на призывном пункте. И вот здесь тоже оказались вместе.

Снова было объявлено построение. Сержант с красной повязкой на рукаве довел до курсантов основы внутреннего распорядка.

– Все передвижения по территории части – либо в составе строя, либо бегом. Руки в карманах не держать, ничего в них не носить... Все взаимоотношения внутри подразделения и вне его – в соответствии с Уставом. Любой вопрос решается только через своего командира отделения. Ежедневный отбой тридцать секунд, подъем – сорок пять. И ни секунды больше. Кто не укладывается – вместо сна тренировка. Насчет формы... Никаких обменов между собой и особенно со старослужащими других подразделений. В чем приехали – в том должны и уехать. Исключение – сапоги. По окончании школы вам выдадут новые. Почему? Потому что обычно, к этому сроку они приходят в негодность. Изнашиваются до дыр.

Дежурный окинул глазами строй.

– Все ясно?

– Так то-о-о-чнн... – слабо прошелестело в ответ.

– Не понял, – выгнул грудь колесом сержант. – Ясно?

– Так точно! – бодро грянули курсанты.

– Ну, то-то же... – смягчился дежурный. – А теперь напра-а-аво! К ружпарку шагом марш!.. Будете принимать оружие.

В колонну по одному курсанты двинулись за ним. Стеклопанная дверь, ведущая в оружейную комнату, распахнулась, и они увидели стройные ряды автоматов, стоящих внутри больших светло-серых ящиков. Возле каждого автомата в специальных нишах хранились магазины: три черных и один – оранжевый, парадный. Тут же были подсумки – для магазинов и гранат. Ниже, в отдельных ячейках торчали противогазы. А на самом верху, там, где крепились штык-ножи, белели узкие бумажные полоски с фамилиями хозяев. Некоторые были пустыми...

– С закрытыми глазами любой из вас должен протянуть руку и взять из пирамиды свой автомат. Именно свой, а не соседа... – уточнил сержант Лавров. – Внимательно изучите и запомните, где стоит ваше оружие. Это важно, потому что когда среди ночи вас поднимут по тревоге, времени думать о чем-либо не будет. В таких случаях все решает автоматизм.

Подошел старшина роты, прапорщик Гладченко, с толстым журналом учета оружия. Каждый из курсантов, принимая автомат, вписывал в журнал его номер и ставил в свободной графе свою подпись, тем самым принимая на себя всю ответственность и становясь полноправным хозяином оружия. Теперь на все время службы в подразделении этим автоматом мог пользоваться только он, и никто другой.

Когда все получили свои автоматы и заполнили узкие белые полоски сверху пирамиды, вписав туда свои фамилии, прапорщик Гладченко велел построиться в казарме на проходе.

Поставив перед собой табуретки, курсанты разобрали вверенное им оружие.

– Внимательно осмотрите еще раз на наличие дефектов, повреждений, – строго проинструктировал их прапорщик. – Если все в порядке – собираем и ставим обратно в пирамиду.

Урманов бережно перебрал детали разобранного автомата. Они были в ружейном масле, без каких-либо следов ржавчины или нагара. Очевидно, прежний владелец на совесть почистил оружие перед сдачей. Поршень затворной рамы сиял, доннышко газовой камеры тоже блестело.

В идеально чистом стволе в зеркальных бликах отражались только ровные спирали нарезных дорожек.

Урманов вложил затвор в затворную раму, надел возвратную пружину и вставил собранный механизм в ствольную коробку. Потом ловко вогнал на место черную металлическую крышку. Сделав контрольный спуск, он сухо щелкнул предохранителем, вернув его в исходное положение.

В карантине у него был другой автомат – старый АКМ, с деревянным прикладом. А здесь – новенький АКС – 74, с откидным. Удобный, легкий, блестящий. Такая изящная игрушка для настоящих мужчин... Держа в руках это совершенное творение военно-технического прогресса, Урманов испытал чувство легкого восторга. Как, наверное, и любой другой нормальный пацан его возраста, покоренный магической силой оружия.

К полудню в распоряжение вернулась с занятий учебная рота. В казарме сразу стало тесно. Вновь прибывшие невольно примолкли, с любопытством приглядываясь к своим будущим сослуживцам. Те, в свою очередь, тоже смотрели на новичков с интересом, где-то в глубине души ощущая некоторое превосходство – все-таки они здесь появились раньше.

– Сильно гоняют? – осторожно поинтересовался Кольцов у румяного щекастого паренька, присевшего на табурет неподалеку.

– Да пока не особо, – охотно поддержал тот разговор. – Мы сами вчера только приехали...

– С завтрашнего дня начнут, – уверенно произнес кто-то из стоящих неподалеку курсантов. – Специально вас ждали. Некоторые неделю уже здесь живут... Теперь все в сборе.

Урманов с волнением рассматривал сержантов. Всего их в учебном подразделении было пятеро. Одному из них он должен был кое-что передать.

Перед отъездом сержант Мурыгин подробно охарактеризовал каждого из них.

«Главное к Левину в отделение не попасть, – наставлял он Урманова. – Выделистый слишком. Любит порисоваться, себя показать. Тяжело с ним будет... Что еще? Призывался из Свердловска, год отслужил. Вспыльчивый, злопамятный, может подставить... Ты сразу его узнаешь – длинный такой, худой, в черных погонах. Почему в черных? Он отделением «СГ» командует... «СГ» – это сопровождение грузов. У них там своя специфика. Но, с другой стороны, если в «СГ» попадешь, потом служба будет – не бей лежачего. Все время в командировках. Неделю в части побыл – и опять вперед, в дорогу. Всю страну объездишь, где только не побываешь. Романтика. И от начальства опять же далеко... Командир второго отделения – сержант Бадмаев, бурят, кличка «Киргиз». Он родом с Алтая. Службист, очень дотошный, может цепляться по мелочам. Но, в целом, парень нормальный. Если не борзеть, жить можно... К тому же он отслужил всего пол года. Нашего выпуска. Поэтому свое место знает, старается держаться в тени... Вася Лавров. Командир третьего отделения. Простой деревенский парень, с Вологодчины. До призыва работал трактористом. Слегка тугодум, без чувства юмора, но дело свое знает. При случае может на что-то глаза закрыть, чтобы только не заморачиваться. Бесконфликтный. Но иногда, бывает, шлея под хвост попадет. Особенно, когда начальство взгреет. В роте имеет определенный вес, поскольку год уже отслужил... Командир четвертого отделения – младший сержант Тюрин, из Липецка. Тоже нашего, весеннего призыва. Острый на язык, но, в принципе, не злой. Звезд с неба не хватает, способностями особыми не отмечен. В «учебке» остался только потому, что голос хороший имеет. Ротный запевала... Ну, а самый авторитетный из сержантов – это, конечно, Джафарыч. Заместитель командира взвода, старший сержант Гуссейнов. Строгий, но справедливый. Призывался из Дагестана. Ваш выпуск для него последний. Как только вы получите сержантские звания, он уйдет на дембель... Кстати, передашь ему от меня посылку».

Сержанты учебной роты сидели на заправленных кроватях. Вообще, подобное было строго запрещено, но на сержантов это не распространялось.

Урманов подошел к ним и сразу понял, кто есть кто. Так подробно описал их Мурыгин.

– Товарищ старший сержант, – приложив ладонь к козырьку ушанки и преодолев внезапную робость, произнес Урманов. – Разрешите обратиться.

Гуссейнов вопросительно посмотрел на него, приподняв удивленно густые черные брови. В темно-карих бездонных глазах сверкнула искорка доброжелательного любопытства. В этот момент он показался Урманову похожим на большого мудрого ворона.

– Сержант Мурыгин велел вам передать, – Урманов протянул ему туго перетянутый крепким шнуром сверток.

Гуссейнов бережно принял его, и вновь изучающее взглянул на курсанта. Словно хотел понять, почему именно ему было доверено столь ответственное поручение.

– А вы с ним чем-то похожи, – неожиданно заметил старший сержант.

– Так точно, – улынулся Урманов, – Нас там даже братьями называли.

Вытащив из-за пояса у дежурного штык-нож, Гуссейнов одним движением надорвал шнур, стягивающий пакет и зашелестел плотной бумагой.

– Что там, Джафарыч, – любопытствовал сержант Левин, нетерпеливо заглядывая ему через плечо.

– Фибра, – ответил Гуссейнов. – Молодец, Мурыгин, не забыл... Теперь есть чем парадку украсить. И вам еще с Лавровым на дембель останется.

В пакете лежали аккуратно нарезанные полоски жесткого пластика, разного цвета и толщины. Урманов знал, для чего это нужно. В войсках была традиция украшать дембельский парадный мундир. Искусно нарезанную фибру подкладывали под нарукавные шевроны, под нагрудные значки, вставляли в погоны. В результате парадка дембеля напоминала произведение искусства. Любая деталь на мундире была идеально ровной, в обрамлении белоснежного или другого цвета кантика, и солдат в таком виде выглядел истинным франтом.

– Спасибо, курсант, – сказал Гуссейнов, – Вернешься в часть, передай Мурыгину, что Джафарович его помнит. И уважает, за то, что слово держит.

Он говорил сипловатым, слегка надтреснутым голосом, почти без акцента, свойственного кавказцам. Только яркая характерная внешность выдавала в нем человека южных кровей.

– Разрешите идти? – лихо щелкнул каблуками Урманов, довольный выполненным поручением.

– Иди, – ободряюще кивнул старший сержант.

Все это время курсанты с любопытством наблюдали за разговором. Должно быть думали: «Во, дает! Не успел приехать, а уже блат с начальством завел» Но сам Урманов и не помышлял искать здесь какую-либо выгоду. Он просто сделал то, о чем его попросили.

Дежурный по роте сержант Лавров объявил общее построение. Четыре отделения выстроились в проходе. Вновь прибывшие встали особняком.

Новичков распределили по отделениям. Урманов попал во второе – к сержанту Бадмаеву.

В каждом отделении было по двенадцать человек, не считая сержанта. Сверяясь по списку, командиры отделений ознакомились с пополнением и расставили личный состав, с учетом вновь прибывших, строго по росту.

Урманов всегда считал себя достаточно высоким, но тут, в строю, со своими ста восьмидесятью сантиметрами, оказался лишь в центре. Ребята в учебной роте подошлись все, как один – рослые и крепкие. У многих спортивные разряды.

Сержант Бадмаев раскрыл записную книжку.

– Кольцов.

– Я.

– Каким видом спорта занимался на гражданке?

- Биатлоном... Второй взрослый разряд.
- Бадмаев сделал пометку в своей книжке.
- Гвоздев.
- Я.
- Спортсмен?
- Никак нет.
- Плохо, – разочарованно цокнул языком сержант.
- Зато я бляху могу согнуть. Руками.
- Врешь.
- Честно.
- А ну, покажи?..

Гвоздев расстегнул поясной солдатский ремень с медной бляхой, обмотал ее на один раз матово блеснувшей полоской ремня, и, обхватив ладонями, что есть силы сдавил на уровне живота... Лицо его побурело, щеки надулись и затряслись, губы свернулись в трубочку, глаза налились кровью.

Все вокруг напряженно замерли в ожидании.

– Фух-х! – выдохнул наконец Гвоздев. – Вот, смотрите.

Он откинул черную ленту ремня, и перед любопытствующими взорами предстала солдатская бляха. Она была действительно погнута.

– Ты смотри, блин! Надо же!.. – сержант Лавров озадаченно почесал коротко остриженный затылок. – Чего только тебе, Киргиз, старшина скажет. Испортил курсант имущество.

– Да вы не волнуйтесь, – успокоил их Гвоздев. – Я сейчас все исправлю.

Он так же быстро обмотал на раз кожаным ремнем погнутую бляху и, положив на табурет, с силой долбанул по ней огромным кулаком.

– Все, выпрямилась! – глаза у Гвоздева сияли.

– Ты смотри, это... Поосторожней с имуществом, – Лавров поправил сбившуюся повязку и отошел к своему отделению. Бадмаев потрясенно молчал.

– Ну, ты даешь, курсант, – наконец медленно выговорил он, сощулив узкие глаза и обнажив в улыбке белые крепкие зубы. – Я такого еще не видел... Где на гражданке работал? Не в цирке?

– Нет... На заводе «Красная кузница», в Архангельске.

Эпизод с бляхой развеселил всю учебную роту. Курсанты, особенно новички, почувствовали себя свободнее.

Сержант Бадмаев снова раскрыл свою записную книжку.

– Урманов.

– Я.

– Ты чем занимался?

– Боксом, товарищ сержант. Первый разряд у меня.

– Боксом? – командир отделения с интересом взглянул на курсанта. – Это серьезно...

А сам откуда?

– С Архангельской области.

– Земляк, значит, с этим циркачом?

– Так точно. И Кольцов тоже... Мы все вместе призывались.

Когда знакомство с новичками было закончено, командир отделения дал команду: «Разойдись!» Курсанты медленно разбрелись по сторонам.

– Отставить!

Курсанты вернулись в строй.

– Товарищи курсанты! – возмутился Бадмаев. – Это не выполнение команды «Разойдись». Это вообще не понятно, что такое... Вы должны разлетаться, как осколки гранаты! Вот как надо выполнять эту команду! Ясно?

– Так точно!

– Р-р-разойдись!..

Курсанты брызнули в стороны, едва не сбив с ног самого сержанта. Тот довольно прищурился... Видно было, что такое выполнение команды ему по душе.

Вечером, с девяти до десяти, у курсантов было свободное время. В этот час перед отбоем они могли заняться своими личными делами: написать письмо домой, подшить себе подворотничок, посмотреть по телевизору программу «Время» или почитать книжку.

В центре казармы, прямо на центральном проходе стоял большой железный турник. Несколько курсантов, скинув куртки, по очереди демонстрировали на нем свои способности, выполняя упражнения: «выход силы», «склепка», «подъем с переворотом»... А самый отчаянный даже «солнышко» несколько раз крутанул.

Урманов смотрел на них с уважением и легкой завистью. Сам он с этим гимнастическим снарядом был, что называется, «на вы». Конечно, необходимый минимум, достаточный для оценки «хорошо» он выполнял. Но чтобы вот так легко порхать – это ему было не дано. Хотя вроде и развит физически, и лишнего весу ни грамма, а вот поди ж ты... Сам для себя он объяснял это так – кость тяжелая. Зато когда дело касалось единоборств – это была его стихия. Здесь он ощущал себя как рыба в воде. И предвкушая будущий триумф, с нетерпением ожидал начала занятий по рукопашному бою.

Чуть в стороне, опершись локтем о спинку кровати, со скучающим видом наблюдал за гимнастами дежурный по роте сержант Лавров. Мимо него, бочком, попытался проскользнуть к своей тумбочке курсант Панчук, но не рассчитал габаритов.

– Куда прешь, боец? – строго поинтересовался Лавров.

– Можно? – Панчук сделал неопределенный жест. – Можно я ...

– Можно козу на лозу, да и то с разрешения! – энергично парировал сержант. – Чтобы я этого слова больше не слышал. Нет его в Уставе... Разрешите! Вот как надо обращаться, понял?

– Так точно!

– Ну, чего встал?

– Разрешите пройти, товарищ сержант! – вытянулся в струнку Панчук.

– Проходи, салага, – милостиво разрешил Лавров. – Наберут детей в армию...

А в это время в другом конце казармы сержанты развлекались с пополнением. Младший сержант Тюрин, едва сдерживая смех, в который уже раз командовал:

– Сержант Шкулев! Ко мне!

И вчерашний деревенский парень Гена Шкулев, высокий, широкоплечий детина, смешно раскачиваясь из стороны в сторону, нелепо расставив по сторонам руки и выпятив грудь, стремительно делал очередную попытку подойти к нему строевым.

Сержанты, глядя на Шкулева, покатывались со смеху. А Тюрин, комментируя его неловкие движения, только подливал масла в огонь.

*– Он подошел ко мне походкой пеликана,
Достал визитку из жилетного кармана...*

Смеялись не только сержанты. Курсанты тоже хохотали от души. Да и сам Шкулев, зараженной этой бациллой всеобщего веселья, улыбался, не в силах оставаться серьезным.

Урманов, решив перекурить перед отбоем, повернулся к Кольцову, чтобы позвать его с собой. Но неожиданно наткнулся на странный, отсутствующий взгляд. Солдатская куртка с недошитым подворотничком лежала у него на коленях.

– Эй! – помахал Урманов ладонью перед его лицом. – Не спи, замерзнешь.

Кольцов опустил голову и длинно, прерывисто вздохнул.

– Знаешь, – тихо сказал он. – Мне жена сейчас вспомнилась... Так ясно. Словно видел живьем... И запах волос, и тепло ее тела сквозь ночную рубашку. И голос... Такой нежный, родной...

Обычно сдержанный и суровый Кольцов был неузнаваем. Мягкий свет падал ему на лицо, сглаживая грубые, резкие черты. Слегка приплюснутый, перебитый в драке нос и твердый волевой подбородок, темные тонкие брови в разлет и глубокая резкая складка у рта – вся эта мужественная, агрессивная оболочка словно поблекла, отступила на задний план, уступив место идущему откуда-то изнутри легкому и нежному сиянию. Похоже, он и сам не ожидал от себя такого.

– Видимо, правда, – негромко произнес Кольцов, – чтобы понять истинную цену чего-либо, надо этого лишиться. Хотя бы на время...

Урманов не знал, что ответить. Ему было отчего-то неловко.

– Давно женат? – спросил он, чтобы не молчать.

– Почти год... – вздохнул Кольцов, взглянув на него просветленными, кроткими глазами. – Она у меня учительница. Русский язык и литература. Мы с ней столько стихов вместе прочитали.

Кольцов задумался на секунду и вполголоса, ни к кому не обращаясь, произнес:

*Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше вниз.*

Кольцов читал плавно, напевно, помогая себе при этом рукой, словно вплетая в невидимое кружево простые, понятные всем слова, которые вдруг становились другими – волшебными, незнакомыми, легкими... И какое-то светлое, неясное чувство рождалось в душе; и было радостно и в то же время – чего-то жаль; хотелось одновременно смеяться и плакать, любить и ненавидеть, и жить долго-долго, может быть – вечно...

Подожли те, кто оказался поблизости. И непонятно, чего больше было в их глазах – недоумения или любопытства. Но Кольцов, как будто и не замечал никого вокруг.

*– Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском*

*Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.*

*Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.*

Глава 2

«Дз-з-з-з-з-з...» – дребезжащий противный звук возник неожиданно и как всегда некстати. Это лампы дневного света, нагреваясь, дрожащими, мерцающими вспышками разрывали предрассветную темноту и прежде чем вспыхнуть в полную силу, наполняли пространство зловещим надсадным гулом.

Вот уже третью неделю Урманов сквозь крепкий предутренний сон слышал эти звуки, и каждый раз все его существо содрогалось от неизбежного. Слишком уж мучительным был этот переход из мира сна и покоя, в мир враждебный, холодный и злой, наполненный ежеминутной борьбой и преодолением...

– Ро-о-ота, подъе-о-ом! Форма три, строиться на проходе!

Резкий крик дежурного резанул по натянутым нервам, и, еще не успев, как следует открыть глаза, Урманов уже слетел с кровати.

«Быстрее! Быстрее!» – яростно и тревожно билось в голове. Сорок пять... Всего только сорок пять секунд есть у него до построения.

Все движения отработаны до автоматизма. Первое – шапку на голову. Она всегда лежит сверху... Руки сами хватают штаны – раз, два, поясной крючок. Теперь сапоги... Они предусмотрительно накрыты расправленными портянками сверху. Заматывать не обязательно. Просто хватаешь портянку за концы, растягиваешь в стороны и ставишь босую ногу в центр туго натянутого полотна. Потом, не ослабляя натяжки, быстро соединяешь концы – и прямо так в сапог. Главное – не промахнуться в голенище. Попал!.. Сразу другой... Если все сделаешь правильно, можно бежать так несколько километров – и ноги не натрешь. Проверено... Руки хватают куртку, ремень... Одеваться можно и на ходу. Грохот десятков сапог, крики сержантов: «Первое отделение, становись! Второе отделение, становись!» И каждый курсант, несмотря на суматоху, безошибочно занимает свое место.

– Смирно!

Замерли... Ни движения, ни вдоха... Тишина такая, что слышно, как тикают большие часы на стене, перед входом.

– Командирам отделений проверить наличие личного состава и доложить!

Сержанты придирчиво осматривают своих подопечных. Все на месте, одеты по форме. Научились подниматься за сорок пять секунд... Ну, еще бы! Кому охота до часа ночи со шваброй ходить, когда товарищи уже давным-давно спят.

– Напра-а-аво! – командует старший сержант Гуссейнов. – В колонну по одному, на выход шагом марш!

Учебная рота высыпает на плац, выстраивается в колонну по четыре. Во главе каждого отделения – сержанты. Они бодро покрикивают, подгоняя отстающих. Но и без их команд курсанты стремятся как можно быстрее занять свое место в строю. Потому что просто так стоять на морозе – невыносимо. Тонкие курточки, да еще без поясных ремней не очень-то греют... Хорошо еще – шапки на голове, да рукавицы на руках.

По телу Урманова волнами пробегает мелкая дрожь. После нагретой постели на мороз – ощущение не из приятных. Но ему еще ничего, он во втором отделении, в середине строя. Первому и четвертому отделению – гораздо хуже. Они по краям... Холодный ветер за считанные секунды выдувает из сонных курсантов остатки тепла. Спасение – только в движении.

Наконец раздается:

Рота, бего-о-ом, марш!

Курсанты разом срываются с места. В предрассветной тишине слышится лишь шумное дыхание и тяжелый дробный стук кирзовых сапог по промерзшему ледяному асфальту.

Урманов уже почти привык. Каждое утро теперь начинается для него именно так. Обязательный трехкилометровый кросс и получасовая физическая зарядка.

Грохоча сапогами, курсанты держат строй. В свете уличных фонарей над ротой клубится облако пара. По кругу они оббегают жилой городок. Во всех казармах ярко светятся окна. Иногда им попадаются бегущие солдаты из других рот. Но не надолго... У каждого подразделения свой маршрут.

– Подтяни-и-ись! – подгоняет старший сержант Гуссейнов курсантов. Он бежит вместе со всеми.

«Пум-пум-пум!» – глухо стучат об асфальт грубые подошвы солдатских сапог. «Тук-тук-тук!» – отзывается в груди сердце. Кажется, что оно бьется уже где-то возле горла. Все-таки три километра – это не триста метров и даже не километр... Урманов знает, как облегчить муку. Надо просто отключить мозги, не думать ни о чем. И ни в коем случае не смотреть по сторонам. Так сбивается дыхание... Глаза должны видеть только спину впереди бегущего. Тогда ноги сами будут отсчитывать шаги и потребуются меньше усилий. Можно даже ненадолго закрыть глаза... «Раз-два-три! Раз-два-три!» Когда поймал ритм, дышится легче.

«Надо бросать курить, – внезапно посещает Урманова мысль. – Пока не втянулся...»

До армии он почти не курил. Серьезно занимался боксом – не до этого было, да и не хотелось. А тут вдруг начал покуривать... Сказалась смена обстановки? Или захотелось почувствовать себя взрослым?

– Не растягиваться! Строй держи-а-а-а!

Бегать Урманов никогда не любил. Один раз, правда, на гражданке еще, он пробежал без остановки двадцать километров. Решил проверить себя на выносливость. Расстояние определял по километровым столбикам вдоль дороги. Десять километров туда и десять – обратно. Первую половину, помнится, осилил без труда, а на второй едва не сошел с дистанции. Самый трудный участок оказался с пятнадцатого по восемнадцатый километр. Усталость была такая, что просто хотелось махнуть на все рукой и сесть на землю, прямо возле дороги. Но Урманов, сцепив зубы, бежал и терпел... Трижды, искушаемый усталостью он был на грани поражения, и трижды ему удавалось себя преодолеть. И когда разменял восемнадцатый километр, понял, что добежит... Он был горд, что ему удалось осуществить задуманное. И если бы у него в тот момент спросили, зачем это все, он не колеблясь бы ответил – для тренировки... И совсем не тело имелось ввиду. Ведь очевидно – чтобы стать духовно сильным, волевым человеком, необходимо повседневно упражнять душу. Это Урманов усвоил еще с ранней юности. Когда пытался преодолеть себя в разных житейских мелочах... Например он мог приказывать себе целые сутки не пить. И стойко держался, выполняя данный обет. Мог на три дня совсем отказаться от еды. И терпел... Мог заставить себя целую ночь провести в одиночку в лесу. И храбро боролся со страхом... Постепенно, все эти маленькие победы над собой закалили его, сделали сильнее. Он взял за правило никогда не бежать от опасности, а всегда поворачиваться к ней лицом. И это очень пригодилось ему, когда он начал драться на ринге, а иногда, случалось, и вне его... А еще Урманов очень любил читать. И не уставал восхищаться отвагой героев. Будь то стойкий оловянный солдатик из сказки или юные подпольщики из «Молодой гвардии»; краснокожие индейцы из племени Апачи или триста спартанцев, вставшие на пути у врага. Он помнил, как потряс его рассказ об архангельском поморе Иване Рябове, которого давно, еще при Петре 1 захватили в плен шведы, велел быть проводником. И пришлось стать тому Ивану перед выбором: либо остаться живым да здоровым – но предать; либо презрев врага не замарать душу – но погибнуть... Не каждый такой выбор осилит. Ведь столько оправданий найдется. Тут какую мощь надо иметь! Чтобы не дрогнуть, не сломаться... Но видно крепкий стержень у мужика был. Он не просто отказался предать. Он так корабли вражеские развернул, что половина их на мель аккуратно напротив артиллерийских фортов села. И была потом прицельным огнем уничтожена... «А если бы я вот так? – думал Урманов, разглаживая

тонкие книжные страницы. – Выдержал бы? Не сдрейфил?» И не мог для себя ответить ни да, ни нет. Да и кто бы ответил?

«Раз-два-три! Раз-два-три!» – впереди маячит широкая спина Гвоздева. Урманов видит перед собой только ее и это помогает ему держать дыхание.

Гремя сапогами, учебная рота втягивается на широкую прямоугольную площадку. Это место для гимнастических упражнений.

– Ро-о-о-та-а-а, на мес-те-е-е, – протяжно командует старший сержант Гуссейнов, и первые ряды начинают в ритме бега топтаться на месте. Сзади на них накатывают другие и рота, выстроенная в колонну по четыре, быстро сжимается, как растянутые меха гигантской гармони. Когда замыкающая шеренга переходит на бег на месте, звучит команда:

– Стой!

Рота, сделав напоследок, как и положено два притопа, замирает.

Не шелхнувшись, стоят курсанты на студеном декабрьском ветру. В легких курточках, без ремней, в зимних шапках, с отогнутыми назад «ушами», в суконных солдатских двупалых рукавицах. Рукавицы – это затем, чтобы руки к железу не примерзали, когда придет очередь гимнастических упражнений на спортивных снарядах.

– Рота, нале-е-ево! – зычно выдохнул Гуссейнов и, дождавшись, когда курсанты выполняют команду, продолжил:

– Первая шеренга два шага вперед, вторая – шаг вперед... Шаго-о-ом марш!

Строй курсантов раздвинулся в глубину.

– От центра. Курсант Панчук...

– Я! – быстро отозвался названный курсант, обозначив тем самым точку, откуда должно вестись перестроение.

– На расстояние вытянутой руки... Влево, вправо ... Разомкнись!

Курсанты бесшумно задвигались, выполняя команду приставными шагами. Когда перестроение было закончено, Гуссейнов произнес:

– Первое упражнение... Руки согнуты перед грудью, ладонями вниз. На счет «раз-два» – короткие рывки, на счет «три-четыре» – рывки руками в стороны, с поворотом корпуса сначала налево, потом направо... Начали.

Гуссейнов стоял перед строем, выполняя упражнение вместе со всеми. Курсанты, как один, повторяли за ним движения. Это было несложно, главное – не сбиться с ритма.

Потом были привычные уже доставания носком сапога кончиков пальцев вытянутой руки, наклоны из положения «руки в стороны», приседания... В общем, обычная утренняя гимнастика, известная всем с детского сада. И все бы ничего, если бы выполнялась она в теплом помещении, а не посреди продуваемого всеми ветрами армейского спортгородка.

Было еще раннее утро. В ясном небе светила полная луна. Мелким бисером сверкали вокруг нее звезды. Из трубы центральной котельной клубился, поднимаясь вверх густой белесый дым. Сизые лунные тени лежали на белом парадном снегу. И от всей этой картины веяло таким космическим холодом, что Урманов внутренне содрогнулся.

– Раз-два! Три-четыре!.. Три – четыре! Раз-два! – эхом разносилось в стеклянном морозном воздухе.

Урманов механически повторял привычные движения, думая только об одном – скорее бы обратно в казарму. В тепло, в тепло – молила каждая клеточка его застывшего на морозе тела.

«Должно же это когда-нибудь кончиться! – думал Урманов, глядя на равнодушно сияющую с небес луну. – Не может же это длиться вечно. Скорей бы, скорей!» – Закончить упражнение! – разнеслось над площадкой. – На спортгородок бегом марш!

Каждое отделение в колонну по одному выдвинулось на заранее определенное место. Первое – на турники, второе – на брусья, третье – на шведскую стенку, четвертое – к ящикам

с песком. Потом по очереди отделения менялись между собой местами, пока не проходили все точки.

Отделение Урманова начало с брусьев. По команде сержанта Бадмаева курсанты выстроились в затылок друг другу внутри снаряда, положив сверху руки на круглые железные трубы.

– Делай раз!

Курсанты, подпрыгнув, неподвижно застыли на вытянутых руках.

– Делай два!

Опустились вниз.

Выполнив упражнение несколько раз, Урманов почувствовал, что руки будто наливаются свинцом. Каждый подъем давался все труднее и труднее.

– Раз!.. Раз, я сказал! – жестко командует Бадмаев, видя, как двое из курсантов беспомощно барахтаются между брусьев, не в силах разогнуть занемевшие руки. – Все, все поднялись!

Урманов вместе с остальными висит на разогнутых руках и ждет, пока те двое смогут подняться. Руки подрагивают от напряжения, мышцы сводит судорогой. Все тело поламывается... Наконец отстающие поднимаются и выпрямляют руки.

– Два!

Все опускаются на согнутых руках.

– Раз!

Теперь уже трое не могут подняться.

– Ну!.. – Бадмаев жестко подталкивает одного из них. – Пошел! Пошел!.. Ждем, пока все поднимутся!

Двое поднялись. А третий, курсант Кузьмин, пыхтит, сучит ногами, пытается, но все бесполезно.

– Не м-могу... Товарищ с-сержант... – кривя лицо, обреченно роняет он.

– Можешь! – в голосе Бадмаева слышится металл.

– Не-е-ет... – жалобно стонет курсант.

Все остальные висят на окаменевших разогнутых руках и ждут. Кто-то не выдерживает...

– Ну, давай, Кузя, давай! Поднимайся!

– А-а-а-а! – с перекошенным ртом Кузьмин из последних сил делает рывок и встает на вытянутые руки.

– Два! – удовлетворенно командует, наконец, сержант и все отделение опускается вниз.

– Закончить упражнение!

Все облегченно вздыхают. Можно чуть-чуть передохнуть. Пока бежишь до следующего снаряда.

Следующий спортивный снаряд – шведская стенка. Упражнения для брюшного пресса. Держась за перекладину руками, надо поднимать и опускать под прямым углом вытянутые ноги. И опять...

– Делай раз! – ноги подняли.

– Делай два! – ноги опустили.

«Раз! Два!.. Раз! Два!»

И так – пока не прозвучит команда к перемене места.

Ящик с песком... На вытянутых руках он отжимается от груди вверх. Потом – назад. И опять вверх... Затем его переворачивают, берутся двумя руками за одну из ручек и тянут от пояса к подбородку. И снова вниз, и снова вверх... До дрожи в руках, до онемения, когда глаза застилает горячая пелена, а в ушах – тягучий нарастающий звон. И уже не чувствуется ни мороз, ни ветер, ни вообще ничего. Только тупая ноющая боль во всем теле и неодолимое желание побыстрее закончить все это, прекратить... Но до конца еще далеко. Впереди – турник...

– Строится рота! Становись!

Легкой рысцой курсанты возвращаются к казарме и по отделениям, в колонну по одному торопливо втягиваются в призывно манящий, клубящийся паром дверной проем. И в тот момент, когда измученный и продрогший курсант переходит, наконец, эту тонкую грань, между холодом и теплом, между темнотой и светом – восторгом, радостью и безграничным счастьем наполняется его душа. Закаменевшие от холода и непосильных нагрузок мышцы вдруг оживают, крепнут, наливаются силой, а в глазах появляется веселый, живой блеск и лихая молодецкая удаль.

Все позади... И сразу все забыто. Наверное, только так и можно выдержать этот неумолимый, безжалостный пресс, который давит на тебя с самого подъема и до команды отбой. Ежеминутно, ежечасно... Но здесь нет слабаков. Все курсанты попали сюда добровольно. И в любой момент можно уйти, написав рапорт. Только как ты потом посмотришь в глаза этим пацанам, которые за время учебы стали тебе почти братьями. Да и перед самим собой как оправдаться? Выхода нет. Надо терпеть...

Как под страшным давлением рыхлый графит превращается в крепчайший драгоценный алмаз, так и каждый из этих парней к концу обучения должен был превратиться в умелого, опытного воина. И по-другому сделать это было никак нельзя.

В учебном классе шел урок по тактико-специальной подготовке. Все как в обычной школе, только коротко стриженные ученики были в военной форме, а у доски, с указкой прохаживался молодой подтянутый офицер.

Для занятий по теории в учебном центре имелось несколько больших просторных помещений, с широкими окнами, с учебными пособиями и плакатами, висящими на стенах. Столы стояли в три ряда, за каждым – по два курсанта. Учебный час длился пятьдесят минут и десять – на перерыв. Даже звонок на перемену был как в обычной школе, чем вызывал у многих ностальгические воспоминания.

– Итак, основными задачами спецчастей внутренних войск являются... – диктовал старший лейтенант, важно прохаживаясь перед классной доской, снизу доверху расписанной мелом. – Охрана и оборона особо важных государственных объектов... Борьба с ДРГ противника...

– Разрешите вопрос? – подал голос с места курсант Листьев.

– Да.

– А что такое ДРГ?

– ДРГ, это сокращенно – диверсионно-разведывательная группа. Ясно?

– Так точно.

Курсанты, уткнувшись в тетради, сосредоточенно конспектировали. Урманов тоже писал вместе со всеми. Рядом с ним, за одним столом, шелестел страницами Кольцов.

Всего в обучающей программе курсантов было больше десятка предметов. Половина из них – теория, остальные – практика. В конце обучения предстояло сдать экзамены и зачеты. И от того, как сдашь, зависела последующая карьера. Если большинство оценок «отлично» – присваивается звание сержант. Если «хорошо» и «удовлетворительно» – младший сержант. Ну, а неудачникам светит только звание ефрейтор... По рассказам сержанта Мурыгина, чаще всего срезаются на огневой подготовке. Стрельнут не так, как надо – и привет.

Офицер закончил диктовать, курсанты отложили авторучки.

Урманов незаметно достал из тетради согнутый пополам листок. Это был самодельный календарь. Шесть больших квадратов, по тридцать клеточек в каждом. Пока только один из них был больше чем наполовину закрашен. Остальные пять – пустые... Урманов вздохнул.

«Когда же, наконец, я закрасю последнюю клетку в этом календаре? Неужели придет это время?»

Урманов взял авторучку и тщательно затушевал половину маленькой клетки в первом, почти закрашенном большом квадрате – сегодняшнюю половину дня.

«Ничего, вот так, день за днем и дождемся... Самое главное – зиму пережить. Эти ужасные морозы... А когда вот эти три больших квадрата будут закрашены – наступит тепло. А когда и вот этот – вообще, может, листья распустятся».

Урманов задумчиво улыбнулся, представив, какая на улице наступит благодать. Тогда и служить будет намного легче.

– Слышь, – толкнул он легонько в бок своего соседа. – А как то стихотворение называется, которое ты тогда перед отбоем читал?

– «Письмо к женщине», – чуть слышно прошептал Кольцов, не поворачивая головы. – Сергей Есенин... А что?

– Ничего, – шепнул в ответ Урманов. – В библиотеке книжку хочу взять.

Старший лейтенант оборвал свой монолог на полуслове и постучал указкой по столу.

– А ну-ка прекратили разговорчики!.. Или выведу сейчас обоих.

Курсанты тотчас притихли. Ведь если не дай бог, действительно выгонят из класса – наряд вне очереди обеспечен. А это никого не обрадует.

Урманов посмотрел в окно. На улице все так же падал снег. В медленном кружении белых хлопьев было что-то магическое, завораживающее. Вспомнилось, как в один из таких дней белковали они с дедом, в последнюю зиму перед армией.

Тихое серое утро... По засыпанной снегом лесной тропе они идут друг за другом: дед впереди, Сашка – сзади. Где-то рядом, потрескивая сухими обломанными веточками, носится востроухая черная лайка. Иногда она выбегает на тропу, стряхивает с себя белую снежную пыль, и часто поводя боками, преданно смотрит на людей. Из широко раскрытой пасти свисает кончик розового языка. При этом, кажется, будто она улыбается. «Ищи, Пальма, ищи!» – подзадоривает ее дед и собака, радостно поскуливая, бесстрашно ныряет в заснеженные заросли. Дед идет быстрым, энергичным шагом, чуть наклоняясь при ходьбе вперед. Сашка едва поспевает за ним. Старику недавно исполнилось семьдесят, но он еще даст фору любому молодому. Никогда в своей жизни он не курил, а выпивать начал только после пятидесяти. «Смотри, – дед останавливается и указывает внуку на странные отверстия в снегу. – Тетерки ночевали» Собака крутится тут же, встревожено нюхает воздух, машет из стороны в сторону хвостом. В низине, сквозь редяющие деревья, просматривается покрытая льдом лесная река. «По первому мосту пойдем, – продолжает дед, – Под Рябиновую гору... Где рыжики сейгод брали, помнишь?» Они спускаются к реке, по старому полуразрушенному мостику переходят на ту сторону. Кое-где в незамерзших еще проемах дымится быстрая вода. Востроухая лайка, неуклюже ступая по скользким оледеневшим бревнам, опасливо поджимает хвост. Весь прибрежный склон испещрен строчками горностаевых следов. В одном месте в направлении реки целину пересекает широкая взрытая полоса с двойным крупным следом внутри. Дед, лукаво прищурившись, интересуется у внука: «Ну-ко? Что за зверь?» Тот неуверенно пожимает плечами. «Выдра, – поясняет дед. – Вон, аккурат к полынье пошла... Тут у нее тропа. Капкан можно ставить» Собака, ткнувшись носом в след, без особого энтузиазма гавкает пару раз и убегает. Чего, мол, тут время терять, все уже остыло... Сразу за рекой начинается березняк, вперемишку с осинником. Чуть дальше угрюмой стеной чернеют высокие ели. Туда охотники и держат путь... Утро, уже давно перешло в день, но вокруг по-прежнему все серо. С неба падают крупные белые хлопья. Полное безветрие и тишина – абсолютная, космическая, до звона в ушах. Даже шагов не слышно – ноги местами почти по колено утопают в белом пушистом снегу. Только сердце «тук-тук», «тук-тук»... В ельнике идти легче, снег здесь не так глубок. Дед останавливается, стряхивает с плеч снежную кухту. Он в белом офицерском полушубке, серых катаных валенках, за спиной – двустволка. Где-то далеко раздастся приглушенное: «Аф-

аф!» Это подает голос четвероногая помощница. Сдвинув набок меховую шапку, дед снимает с руки рукавицу и прикладывает к уху оттопыренную ладонь. Узловатые пальцы подрагивают от напряжения. «Нашла! – азартно шепчет он, загоняя в патронник желтоватый латунный патрон. – Идем скорее» Лай становится все ближе, все яростнее. Вот уже видна мечущаяся под елками собака. Задрав морду к небу, она облаивает одну из вершин. Пар вырывается из открытой пасти. Но где же белка? Затаилась... Дед достает из рюкзака топор, подает его Сашке, чтобы тот постучал по стволу, а сам отступает назад и подносит к глазам маленький театральный бинокль, перетянутый по центру потертым ворсистым шнуром, наводит резкость. Сашка колотит обухом топора по стволу. Вспугнутая ударами белка перепрыгивает с ветки на ветку. Комья сбитого снега летят сверху, накрывая всех, кто внизу. «Ага, вот она где!» – дед поднимает к плечу ружье. Но стрелять не спешит, делая пару шагов вокруг ствола и становясь так, чтобы видна была только голова зверька. Это, чтобы шкурку не попортить – дробь все-таки... Вводит курок, долго выцеливает, потом жмет на спуск. Сухо щелкает выстрел. Дымчато-серый зверек падает в снег. Лайка подхватывает белку почти на лету... Острым, как бритва ножом, дед шкурает зверька, отдает тушку собаке. Та, усердно виляя хвостом, радостно принимает подарок. «Молодец, Пальма! Молодец... – дед треплет ее за загривок – Давай, еще ищи!» Они бредут дальше по седой от снега тайге и ждут, когда снова подаст голос собака... Некоторое время спустя опять раздается знакомый лай. Теперь уже дед стучит топором по столу, а Сашка целится из ружья. Выстрел... Вторая добыча в руках. Удачно складывается день, белки много и настроение у охотников соответствующее... Возле болотца, в ложбинке. Поднимается выводок рябчиков. Одна из птиц, прочертив дугу, скрывается в ельнике, неподалеку. Сашка подхватывает ружье и примеряется, с какой стороны лучше подойти. «Бесполезно, – говорит дед, – близко теперь уже не подпустит. А влет... Не трать зря патроны» Но Сашка упрямо крадется. Шаг, еще шаг... Рябчик с хлопанием срывается с ветки. Вскинув ружье, Сашка через прицел провожает его. Птица вылетает в прогалок. «Бах!» – гремит выстрел и рябчик камнем падает вниз. «Хм... Стрело-о-ок! – одобрительно кивает дед, принимая добычу. – Ну, теперь не стыдно и в армию тебя отдавать».

Перед отбоем учебная рота вышла на вечернюю прогулку. Этот традиционный ритуал прохождения строем с исполнением песни, курсанты проделывали почти ежедневно. За исключением совсем уж плохой погоды или когда день выдавался таким тяжелым, что даже у сержантов не было сил и желания выходить перед сном на улицу.

Обычно подразделением командовал старший сержант Гуссейнов. Но тут он почему-то не пошел и вместо себя назначил сержанта Лаврова.

Одетая в шинели рота построилась на плацу. Ветер к ночи почти стих, но мороз еще больше усилился. Холодное звездное небо сияло над головой. Урманов снял рукавицу, быстро потер ладонью нос и уши. Это для профилактики, чтобы не обморозиться. Пока есть возможность... Потом, во время движения за подобную вольность можно и наряд вне очереди получить.

– Равняйся! – грозно рявкнул Лавров. – Смир-но!

Курсанты замерли, как вкопанные.

– Шаго-о-ом... – повисла пауза. – Марш!

Одновременно по ледяному асфальту ударили десятки крепких солдатских подошв и над притихшим военным городком привычно разнеслось дробное и ритмичное: «Тр-р-р-рум! Тр-р-р-рум! Тр-р-р-рум!»

Сержант Лавров гордо расправил плечи, одернул под ремнем собравшуюся в складки шинель. Лицо его просияло от восторга. Толстые губы расплылись в улыбке. Должно быть, он сейчас представлял себе, как выглядит со стороны. Все-таки отделением командовать, это не то, что целой ротой. Тут и масштаб совсем другой, и самооценка – тоже...

– Что будем петь? – спросил Лавров, шагая чуть поодаль от роты.

– Давай «Виновата ли я» – неожиданно предложил ротный запевала младший сержант Тюрин.

– Ну-у-у-у... – Лавров слегка напрягся. – Давай что-нибудь другое. «Не плачь девчонка», например или «День победы».

– Надоело одно и то же, – возразил Тюрин. – Ну, чего ты, Вась? Все равно никого из начальства сейчас нету. Кто услышит?

– Не по уставу... – Лавров колебался.

– Да ладно, чего ты уперся? – вступился за Тюрина сержант Бадмаев. – Пусть поет, чего хочет... Верно, войска?

Курсанты одобрительно загудели. Все почувствовали некую вольницу и слегка расслабились. Захотелось немного подурочиться.

– А-а-а-а! – махнул рукой сержант Лавров. – Пойте, что хотите.

– Антошка, Антошка! Пойдем копать карто-о-о-ошку! – неожиданно затянул под строевой шаг Тюрин. – Антошка, Антошка! Пойдем копать карто-о-о-ошку!

– Тили-тили! – дружно подхватил многоголосый курсантский хор. – Трали-вали! Это мы не проходили, это нам не задавали!.. Тарам-пам-пам! Тарам-пам-пам!

Знакомая с детства песенка из мультика в исполнении роты здоровых вояк, да еще под аккомпанемент строевого шага выглядела довольно комично. У всех поднялось настроение. Даже мороз стал не таким жгучим.

– Антошка, Антошка! Сыграй нам на гармоо-о-о-ошке!

Антошка, Антошка! Сыграй нам на гармоо-о-о-ошке!

Продолжал звонко затягивать запевала. И рота опять охотно его поддержала.

– Тили-тили! Трали-вали!

Это мы не проходили,

Это нам не задавали.

Тарам-пам-пам!

Тарам-пам-пам!

Неожиданно из-за угла ближайшего здания показался человек в серой папахе и длинно-полой офицерской шинели. Под светом уличного фонаря блеснули золоченые генеральские погоны.

– Рота, стой! – осипшим враз голосом скомандовал сержант Лавров. – Смир-р-но-о-о!

Это был командир части генерал-майор Колесников. Как он тут оказался? От неожиданности все растерялись.

Сержант Лавров четким строевым шагом направился к нему и, приложив к козырьку ушанки вскинутую руку, бодро доложил:

– Товарищ полковник! Учебная рота проводит вечернюю прогулку. Старший – сержант Лавров.

Повисла долгая зловещая пауза. Лицо младшего сержанта Тюрина скривилось, как от зубной боли. Сержант Бадмаев напряженно прикусил губу. Сержант Левин покачал головой и ухмыльнулся.

– Ну, то, что ты меня полковником назвал, – строго произнес генерал, – это по большому счету ничего не меняет... А вот если я тебя ефрейтором назову, то так и оставлю!

Сержант Лавров неожиданно понял свою оплошность. Ему стало ужасно неловко... А генерал между тем продолжал:

Что это они у тебя поют? Что за детский сад, понимаешь?

Так точно, – невпопад вставил Лавров.

Что так точно?

Виноват...

На Лаврова невозможно было смотреть без сочувствия. Он как-то разом поник, ссутулится, плечи опали. Он даже как будто стал ниже ростом.

– В общем, так, сержант, – голос командира части был суров. – Если они у тебя через неделю нормально петь не научатся – пеняй на себя.

– Так точно.

– А сейчас кру-у-у-гом! В расположение бего-о-ом марш!

Курсанты дружно рванули к казарме. Позади, путаясь в полах шинели, понуро семенил сержант Лавров.

Глава 3

Сегодня впервые, за все время пребывания Урманова в учебке случилось маленькое чудо – отменили утреннюю физзарядку. Это было так неожиданно, что курсанты поначалу не могли поверить в свое счастье. А причина оказалась проста – снег... Его выпало за ночь столько, что весь строевой плац, обычно идеально чистый, наутро утопал в сугробах. Снегоочистительная машина и трактор с таким объемом работы справиться не могли. Поэтому было решено отменить физическую зарядку, а личный состав бросить на борьбу со снегом.

Старшина учебной роты прапорщик Гладченко выдал курсантам деревянные лопаты и большие железные скребки. Урманову и Гвоздеву достался скребок... Взявшись вдвоем за скобообразную круглую металлическую рукоятку, они на вытянутых руках толкали перед собой этот прямоугольный широкий скребок и как ножом от бульдозера сгребали лежащий на плацу снег. Позади оставалась чистая полоса. Дойдя до противоположной стороны плаца, они разворачивались, и устремлялись назад, двигая впереди себя все возрастающий снежный холм. А следом за ними, чуть в стороне, ступенчатой шеренгой шли другие курсанты со скребками. Картина была схожая с той, когда комбайны убирают пшеничное поле.

– Живей! Живей шевелись! – подгоняли курсантов командиры отделений. – Не проснулись еще?.. Бегом надо бегать!

Курсанты с лопатами по краям плаца собирали в кучи снег, доставленный скребками, а потом снегоуборочная машина втягивала эту сыпучую снежную массу в себя и выбрасывала через широкую изогнутую трубу в кузов подъезжающих машин. Работа кипела, курсанты бегали, как заводные, и вскоре плац уже был почти полностью очищен от снега. Старший сержант Гуссейнов объявил перекур.

Оставив тяжелый скребок, Урманов и Гвоздев подошли к ребятам из своего отделения. Было еще темно. Снегопад закончился. В свете уличных фонарей кружились редкие снежинки.

Урча моторами, на плац со стороны КПП выехали два больших армейских автомобиля и остановились неподалеку.

– К машине! – донеслась команда.

Из кузовов, обтянутых брезентом, на землю посыпались увешанные оружием бойцы, одетые в белые маскхалаты. Все, как один, – рослые, крепкие, уверенные в себе.

– Взвод захвата, – негромко прокомментировал Гвоздев.

Курсанты, молча, разглядывали их. Уважительно, с легкой завистью... Этот взвод был элитным подразделением части. Попасть туда мечтали многие. Но далеко не всем это удавалось – отбор был крайне строгий. Эти ребята занимались по особой программе, жили обособленно и даже питались по специальному рациону.

Судя по всему, взвод вернулся с ночных тактических занятий. Маскхалаты у всех были мокрые, кое у кого – порванные. Но на усталых суровых лицах сияли улыбки. Они, конечно, понимали, что в глазах этих молодых «салаг» выглядят настоящими крутыми парнями. И слегка рисовались...

«Я бы тоже так хотел», – подумал Урманов.

Он представил себя среди них. Сильного, знающего себе цену, с усталой улыбкой сурового воина. Небрежно сдвинувшего за спину автомат без приклада, поправляющего подсумки с запасными магазинами; легкий прищур, сигарета в зубах... Жаль, что в этот момент его не сможет увидеть любимая девушка. Но можно будет прислать фото.

– Эй! – окликнул его Гвоздев. – Хорош мечтать... Пошли работать, Бадмаев завет.

Время утреннего моциона – тридцать минут. Заправить койки, помыться, побриться, почистить зубы и вперед, на завтрак.

Одетые по форме «номер четыре» курсанты в колонну по одному выбегают на улицу. Форма «номер четыре» – это куртка, брюки, ремень и головной убор. Без верхней одежды... От казармы до столовой путь не близкий. Надо метров триста топтать строем. Зимой это расстояние кажется намного больше. Холодно...

Один за другим курсанты выбегают из теплой казармы и привычно выстраиваются на плацу. Каждый безошибочно занимает свое место.

– Чего ты горбишься, курсант! – весело окликает одного из них заместитель командира взвода Гуссейнов.

– Так холодно же, товарищ старший сержант! – сверкнув золотой фиксой, улыбается в ответ боец.

– Но ты же северный человек, Мазаев!

– Так северный человек, это не тот, кто холода не боится, а тот, кто тепло любит, – отважно парирует боец.

Все смеются... Мазаев всегда найдет, что ответить. Кличка у него – Зона. Золотой фиксой своей, манерой говорить, жестами и повадками он напоминает бывалого «зека». Хотя на самом деле биография безупречна.

Строевым шагом, с песней, учебная рота отправляется на завтрак. Урманов усиленно машет руками, чтобы согреться. Идти в столовую всегда холоднее, чем обратно. Горячая еда греет изнутри.

В столовую подразделения части ходят строго по очереди. У каждой роты – свое время. Иногда оно меняется... Сегодня, курсанты завтракают после автороты.

На входе Урманов сталкивается со своим знакомым – Чижевым. Тем самым, с которым общался на КПП в день приезда. Тот быстро, чтобы никто не видел, сует ему в руку целую горсть кускового сахара. Урманов мгновенно прячет подарок в карман... Самому-то Чижову ничего за это не будет. Он уже на втором году службы, «дедушка», кто ему чего скажет... А вот курсанту могут и наряд вне очереди впать. Молодой еще вольничать. Первые полгода вообще жизнь в армии строго по уставу. А уж в учебной роте – и подавно... Но вроде никто из сержантов ничего не заметил. Пронесло.

С Чижевым Урманов успел перекинуться только парой слов. Неожиданный подарок обрадовал. Сладкого в армии всегда не хватает, особенно первое время. А тут – целая горсть рафинада... Но больше всего тронул Урманова поступок этого в общем-то малознамого человека. Как-то тепло стало вдруг на душе.

«Ай, да Чижев! Вот спасибо тебе, дружище!»

Гуссейнов, дождавшись, когда все отделения выстроятся по обеим сторонам своих столов, дал команду садиться.

Курсанты опустили на длинные деревянные скамьи. На краю каждого стола был поднос с железными кружками, чайник и кастрюля с половником. В хлебницах лежал нарезанный толстыми ломтями хлеб. По центру – тарелка с желто-белыми кружочками сливочного масла, из расчета по одному на каждого.

Урманов пододвинул к себе чистую миску и ложку. Справа от него сидел Гвоздев, слева – Кольцов.

На завтрак была рисовая каша, сваренная на молоке. Дежурный по столу курсант Панчук ловко орудовал половником, раскладывая по мискам горячее, дымящееся варево.

Обжигаясь, Урманов торопливо принялся за еду. Остальные тоже не отставали... Время на завтрак было не лимитировано. По неписаному закону прием пищи прекращался после того, как старший сержант Гуссейнов вставал из-за стола. Иногда он мог позволить себе посидеть подольше, а иногда у него совсем не было аппетита. В этом случае, если ты не очень расторопен, можно было уйти, не доев свою порцию. Брать с собой что-либо со стола строго запрещалось. Однажды курсант Нечаев спрятал в кармане кусок хлеба. За это ему зашили карман вместе

с куском внутри. Хлеб высох, раскрошился, а он все так и таскал его с собой. Долго, недели две... Зато не только он, но и все остальные запомнили, как «кусочничать» за столом.

Дружно курсанты работают ложками, только звон стоит. Большие миски уже наполовину пусты. Урманов чувствует умиротворяющую сытость. Но в голове занозой сидит вопрос: как неожиданным подарком распорядиться? Может, самому съесть, пока никто не видит? Тем более, что сахару не так уж и много – горсть всего. Каких-то десять-двенадцать кусочков... Но это минутная слабость. Урманов знает – не сможет он так поступить. Потому что делиться надо с товарищами. А тех, кто жрет втихаря, под одеялом, в армии презирают... Давно, еще в детстве он столкнулся с таким выбором. Тогда он с другом, отбегав целый день на улице, пришел домой. А там – мама с работы вернулась и принесла лимонад и пирожные. Всем по бутылке и по пышному треугольному кусочку с розовым кремовым цветком. Папе, маме, брату и ему... Было жарко, хотелось пить. А тут целая бутылка холодной, играющей на солнце газировки. Можно в один присест осушить всю бутылку – и еще мало покажется. А пирожное... Соблазнительно пахнущее, сладкое, свежее. И все это стоит на кухонном столе. А друг – в комнате. Сидит себе, и не знает... В маленькой неокрепшей душе шла нешуточная борьба – делиться с другом или не стоит? Но, в конце концов, жадину он в себе победил. И был чрезвычайно горд потом этим поступком.

Урманов локтем толкнул сидевшего рядом Кольцова.

– На... Держи.

Кольцов недоуменно уставился на него.

– Откуда?

– Тс-с-с-с... – сквозь зубы процедил Урманов и, повернувшись к Гвоздеву, тоже передал незаметно несколько кусочков сахара. Тот ничего спрашивать не стал. Должно быть, что-то заметил на входе.

Чай в этот раз оказался вкуснее обычного. Урманов пил его вприкуску, заедая белым хлебом с маслом. И снова думал о Чижове, об этом его бескорыстном поступке, о том, что в таких вот мелочах и открывается по-настоящему человек.

После завтрака объявили десятиминутный перекур. Большинство курсантов осталось в казарме, а курящие собрались в курилке.

Урманов подошел к ребятам из первого отделения, попросил огоньку. Со спичками было сложно... Курсант Илюнцев, сбив пепел, протянул ему дымящуюся сигарету. Урманов прикурил.

– Слышь, Вить, – сказал он, обращаясь к Илюнцеву. – Когда фотографироваться пойдем, дашь мне свою парадку?

– Зачем?

– Ну, как... – Урманов помялся. – У вас же в первом отделении погоны черные, а у нас – красные.

– И что?

– В красных не хочу... Подумают, что зеков охраняю.

– Зеков тоже кому-то охранять надо, – назидательно вставил курсант Листьев, смуглый, белозубый сибиряк.

Да знаю, – отмахнулся Урманов и снова спросил у Илюнцева. – Ну, так что, Вить?... Дашь?

– Конечно, – улыбнулся Илюнцев, – жалко, что ли? Но ты только у Гуссенова сначала спроси. А то как бы не нарваться...

– Спрошу.

Курсанты помолчали, затягиваясь и пуская к потолку струйки дыма. За высокими узкими окнами разливался сиреневый утренний свет.

– У десантников форма красивая, – в продолжение разговора заметил Панчук. – Голубые береты, тельняшки...

– Везет же людям, – вздохнул Урманов. – А тут... Не будешь же каждому объяснять, что ты в спецчастях служил.

– Да ладно, подумаешь, форма. И в стройбате люди служат – сказал курсант Широкоград, закончив наводить глянец на сапогах. – Это ведь не от нас зависит. Куда пошлют... А насчет того, как нас здесь тренируют – любой десантник обзавидует.

– Это точно, – согласился Листьев, гася сигарету о каблук. – Гордиться надо, что сюда попали.

Дежурный по роте объявил построение. Все побросали окурки в урну и бегом поспешили в расположение.

Начинался новый учебный день. В расписании на сегодня значились занятия по физической, огневой и тактико-специальной подготовке.

Вообще, физическая подготовка присутствовала в расписании почти ежедневно. Ее не было только в субботу. В остальные дня это выглядело так: понедельник, среда, пятница – рукопашный бой; вторник, четверг – общая физическая подготовка, воскресенье – подвижные игры... Самыми трудными были вторник и четверг. Когда Урманов впервые попал на занятия по ОФП, то он особо не переживал. Подумаешь, физическая подготовка. Разве спортсмена этим удивишь? В секции бокса нагрузки были тоже – о-го-го! Особенно перед соревнованиями... Но тут оказалось все гораздо сложнее. Когда еще в карантине сержант Мурыгин рассказывал ему, что на занятиях по ОФП некоторые курсанты плакали, Урманов не верил. Однако вскоре сам убедился, что это была правда.

Сегодня был четверг. И предстояло как-то пережить эти ненавистные два часа. Два часа бесконечных физических истязаний. Уже выбегая на построение, Урманов ощутил в груди привычный тревожный холодок.

– Становись! – старший сержант Гуссенов обвел взглядом колонну. – Бего-о-о-о-ом марш!

До спортзала метров триста по улице. Непременно, туда и обратно рота передвигается только бегом.

Спортивный зал части внешне напоминал Урманову тот, куда он ходил на гражданке. Разве что по размеру здешний был немного побольше... Но внутри его отличала своя специфика. Он состоял из нескольких помещений. Первое – большой игровой зал с баскетбольными корзинами на щитах, с разметкой на коричнево-красном полу и длинными низкими скамейками вдоль стен – мало чем отличалось от любого другого подобного заведения. Шведская стенка, стопа матов в углу, брусья, «конь», «козел», турник – все как обычно. Именно здесь проводились занятия по ОФП, а по воскресеньям играли в волейбол, баскетбол и ручной мяч... Второе помещение, размером поменьше, оборудовано было несколько по-иному. В центре зала возвышался ринг; вдоль стены висели боксерские кожаные мешки, «груши»; в гулу стоял в полный рост макет человека, с обозначенными на нем белой краской точками для отработки ударов по самым уязвимым местам. Возле одной из стен был установлен большой деревянный щит, на котором той же краской был нарисован силуэт человека в полный рост. Этот щит предназначался для метания ножей, топоров, саперных лопаток. Причем изготовлен он был по особой технологии – из маленьких деревянных кирпичиков. Сделано это было не случайно... Дело в том, что если такой щит составить из обычных деревянных досок или брусков, расположенных вертикально, то нож, брошенный в него, будет втыкаться тоже только вертикально. При попадании ножа даже с небольшим углом отклонения, он попросту отскочит. А если положить тот же брусок или доску на землю и воткнуть в его основание любой из острых предметов – нож, топор, лопатку – то этот предмет войдет в дерево под любым углом, потому что это произойдет не поперек, а вдоль волокон роста... Щит для метания был составлен как раз из таких

напиленных кирпичиков, что значительно облегчало сам процесс – лезвие втыкалось хорошо, даже если бросок был не очень удачным... Кроме того, здесь имелись еще «макивары» для отработки ударов ногой, боксерские «лапы» и перчатки. Стены были увешены яркими плакатами, где подробно описывались способы нанесения ударов, последовательность выполнения того или иного приема и еще много разной полезной информации. В этом зале проводились тренировки по рукопашному бою... Третье помещение – склад инвентаря. Четвертое – душ. Пятое – раздевалка.

Курсанты по форме «два» – в брюках и кедах, с голым торсом – выстроились в шеренгу. Командиры отделений расположились на скамье у стены. Гуссейнов приступил к занятиям.

– Напра-а-а-во!.. Бго-о-о-ом марш!

«Началось», – обреченно подумал Урманов.

Обежав для начала несколько раз спортивный зал по кругу, рота пошла полуприсядом – так называемым «гусиным шагом», когда ноги полусогнуты, корпус держится прямо.

– Полным присядом марш!

Рота просела еще ниже и, переваливаясь с боку на бок пошла дальше. Со стороны, наверное, это выглядело забавно: колонна карликов, смешно выкидывая в стороны ноги, бодро марширует по кругу. Но на самом деле курсантам было уже не до смеха. Ноги, наливаясь свинцовой тяжестью, плохо слушались.

– Встать! Бегом марш!

С трудом поднявшись, Урманов вместе со всеми затрусил по кругу. Пот заливал глаза, не хватало дыхания.

«Надо бросать курить... Надо бросать курить» – навязчиво билось в голове.

– Полуприсядом марш!

Урманов присел на полусогнутых, быстро немеющих ногах. Боль в мышцах становилась невыносимой.

– Полным присядом марш!

Все опять превратились в смешных карликов.

«Нет, не могу больше... Ноги... Ноги».

Хотелось вскочить немедленно, разогнуть затекшие ноги, прервать эту нелепую, выматывающую душу ходьбу, но он только крепче стискивал зубы и, преодолевая боль, шел и шел вперед. Шаг за шагом, шаг за шагом. Еще и еще...

Кто-то не выдержав, повалился на пол, поднялся, снова упал. Рота, присев на онемевших ногах терпеливо ждала... Потом опять двинулась по кругу.

– Встать!

«Наконец-то, – Урманов с трудом выпрямляет ноги. – Сейчас секунд пятнадцать можно будет передохнуть».

Курсанты ставят длинные деревянные скамейки в два ряда. Потом садятся на одну сторону, а под другой ряд подкладывают вытянутые ноги. Сержанты сидят на этих скамейках, выполняя роль противовеса. На пустые скамьи ставят ящики с песком – там, где сержантов не хватило.

– Упражнения для брюшного пресса... Делай раз!

Курсанты, заложив руки за голову, откидываются до пола назад.

– Делай два!

Курсанты поднимаются и склоняются к коленям.

– Делай раз!

Снова откидываются назад, к полу, с заложенными за голову руками.

– Два!

Поднимаются и склоняются к коленям.

И так, раз за разом, снова и снова, Урманов вместе со всеми откидывается назад и возвращается в исходное положение. Мышцы живота сводит судорогой. Все тело кричит и молит о спасении. Но вместо этого, как заведенный он качает этот ненавистный маятник – вперед-назад, вперед-назад... Как-то Урманов попробовал посчитать, сколько раз они делают за одни присест. Досчитал до ста пятидесяти и сбился.

– Раз! Два-а!.. Раз! Два-а! – доносится сквозь шум в голове монотонная, однообразная команда.

«Хватит! Хватит!» – стонет в ответ измученная душа.

«Довольно! Довольно!» – вторит ей измученное тело.

В спортивной секции, где перед армией занимался Урманов, было тоже нелегко. Но там, если устал, если совсем уж не вмоготу, можно остановиться, передохнуть, отдышаться... Здесь же это исключено. Ты должен слепо и безропотно, как робот выполнять приказания. «Не могу», «устал» – таких слов здесь в принципе не существовало.

– Встать! Упор лежа принять!

Урманов с трудом поднялся, переступил через скамью и лег на пол, лицом вниз. По сторонам, строго в ряд так же улеглись остальные.

– Делай раз!

Все поднялись на вытянутых руках.

– Делай два!

Опустились.

– Раз!

Снова поднялись.

– Два!

Опустились... И так раз за разом курсанты поднимаются и снова падают на мокрый пол, который стал таким от их собственного пота.

Все труднее и труднее дается Урманову каждый подъем. Все хуже слушаются руки. Нет мочи больше терпеть.

«Сволочи! Гады! Сволочи!» – со злостью выкрикивает он про себя и это помогает ему держаться.

– Курсант Мазаев! Почему прекратили выполнять упражнение?

Гуссейнов подходит к Мазаеву, склоняется над ним.

– Не могу больше, товарищ старший сержант, – тихо стонет тот, не в силах оторваться от пола.

– Можешь, – твердо произносит Гуссейнов.

– Не-е-е-е... не могу.

– Нет такого слова, Мазаев! Ты же солдат, слышишь?

Мазаев молчит.

– А товарищи твои ждут... Что они сейчас думают о тебе, курсант Мазаев?

Вся рота стоит в положении «раз» на вытянутых руках и ждет, когда можно будет опуститься. Руки затекли, мелко трясутся.

– Давай, Зона! – наконец не выдерживает Шкулев. – Давай!

– Поднимайся! – вторит ему с другой стороны Кузьмин. – Мы тоже уже... Давай!

Издав мучительный стон, Мазаев медленно отрывается от пола и выпрямляет, наконец, согнутые руки. По его щекам текут слезы, смешанные с каплями пота.

– Два! – звучит долгожданная команда.

Все облегченно падают на влажный пол.

– Раз!

Курсанты снова отталкивают ненавистный, мокрый и невыносимо тяжелый пол от себя и замирают на вытянутых руках.

– Закончить упражнение!.. Садимся на скамью, руки за голову. Упражнение для брюшного пресса... Делай раз!

Все опять начинается сначала... Урманов старается не думать ни о том, сколько времени еще осталось, ни о том, когда же закончится упражнение. Он словно автомат выполняет команды.

– Закончить упражнение!.. Упор лежа принять!

Нет ничего: ни спортзала, ни людей вокруг... Какая-то красно-коричневая пелена тусклого света покрывает пространство. И этот голос, он доносится откуда-то издалека. Монотонный, бесстрастный...

– Закончить упражнение! Скамейки убрать, строиться в колонну по четыре.

«Нет, это еще не конец. Сейчас будут упражнения с отягощениями» – бесстрастно фиксирует сознание.

Пошатываясь, Урманов плетется в строй. Разомкнувшись на ширину вытянутой руки, курсанты начинают работать с песочными ящиками. Каждый – килограммов по двадцать... Подъем с разогнутых рук за ручки от бедер на грудь, подъем от груди вверх, подъем вытягиванием за одну ручку от бедер к подбородку. Потом переход на снаряды. Турник, шведская стенка, брусья...

– Закончить упражнение! Через десять минут построение на улице. В колонну по одному в раздевалку бего-о-о-ом марш!

Пять минут на всех, чтобы принять душ и пять минут на то, чтобы переодеться. Курсанты толпятся в раздевалке, поторапливают тех, кто успел раньше них забраться в душевую.

Курсант Мазаев уже улыбается. Гуссейнов добродушно похлопывает его по плечу.

– Ну, что, курсант, живой?

– Так точно, товарищ старший сержант, – смущенно отвечает Мазаев.

– А говоришь – не могу...

– Тяжело.

– А кто сказал, что будет легко? Это тебе не курсы кройки и шитья. Сержантская школа... Ты думаешь, вашим сержантам было проще? Вон, Левин... – Гуссейнов кивнул в сторону командира первого отделения. – Год назад пришел к нам худой, дохлый – как заморыш. А сейчас? Смотри...

Сержант Левин стоял поодаль, обтираясь полотенцем. Упругие тугие мышцы бугрились на руках и груди, на плоском животе отчетливо проступали рельефные кубики брюшного пресса.

Урманов уже слышал, что Левину в свое время сильно доставалось. Об этом ему рассказывал еще сержант Мурыгин в карантине. Как Левин плакал, поднимая ящик с песком, и одновременно пел гимн. Таким способом его воспитывал командир отделения сержант Ладович, которого сейчас уже нет. Он уволился этой осенью.

– Так вот, – продолжал говорить Гуссейнов. – К выпуску из школы я обязан сделать из вас атлетов. И я это сделаю... Даже через ваше «не хочу». Понятно, курсант?

– Так точно!

Теоретические занятия по огневой подготовке вел командир третьего отделения сержант Лавров. Белым мелком он чертил на доске мудреные схемы, выписывал сложные формулы, а курсанты вслед за ним перерисовывали все это в свои тетради.

Огневой подготовке в программе обучения уделялось большое внимание. Ведь от того, как курсант отстреляется на выпускном экзамене, зависела общая итоговая оценка. На других предметах могли, что называется, и за уши вытянуть. А тут уж – не попал, так не попал...

Занятия по огневой подготовке делились на три этапа. Первый – это теория. Оказывается, для того, чтобы метко стрелять, надо было усвоить не только массу схем, формул, сложных

расчетов, но и научиться всем этим правильно пользоваться. Каждый курсант обязан был знать таблицу поправок на дальность и боковой ветер, как школьник – таблицу умножения. В любой момент, когда ни спроси, он должен был дать четкий и правильный ответ.

Урманов очень удивился, когда узнал, что пуля, выпущенная из ствола автомата летит не прямо, как казалось бы должна лететь, а по дуге... Кроме того, он узнал, что и целиться надо не прямо в ту точку, куда должна попасть пуля, а значительно ниже. То есть, чтобы поразить противника в грудь, с постоянного прицела на расстоянии в сто метров, надо целиться ему почти в живот. А если с двухсот метров – то под коленку. И, конечно, надо мгновенно учитывать все поправки: если противник движется на тебя, от тебя, вдоль тебя, под углом...

Второй этап огневой подготовки включал в себя доскональное изучение материальной части оружия, правил безопасности и способов применения из различных положений – стрельбу лежа, сидя, стоя, с колена, в движении... То есть, прежде чем перейти к стрельбе боевыми патронами, курсанты сначала должны были все это отработать до автоматизма с пустым магазином.

И, наконец, третий этап – это непосредственно сами стрельбы. Они в расписании значились два-три раза в неделю.

– Главное при стрельбе, – говорил сержант Лавров, водя указкой по большому глянцевому плакату, – это правильное совмещение мушки и прицельной планки. Верхняя часть мушки и верхние края прицельной планки должны совпадать по уровню и составлять как бы одно целое. Если мушка будет чуть выше краев прицельной планки, то пули пойдут вверх. Если ниже – соответственно, вниз... То же самое будет, если мушка сместится относительно выемки прицельной планки влево или вправо. Пули полетят в сторону отклонения, а не в цель... Но если у вас совмещение верное, то даже некоторая погрешность при наведении на цель не сильно повлияет на точность стрельбы... Понятно объясняю?

– Так точно!

– Далее...

Монотонный голос звучал все глуше, все отдаленнее. Урманов чувствовал, как тяжелеют веки, тело наливается свинцовой усталостью, и сонная полудрема исподволь охватывает его.

Воспоминания далеких дней, словно отсветы летних зарниц, вспыхивали и исчезали в туманной дрожащей мгле.

– Ээ-э-э-э-эй!.. Да-ва-а-ай к на-а-а-ам!

На той стороне озера видны фигурки людей, призывно размахивающие руками. Девушки, парни... В легких вечерних сумерках слабо мерцает бледный огонь костра.

Это Сашкины друзья. Отдыхают на природе... Сам он чуть припозднился из-за работы.

– ... а-а-ам!.. а-а-ам! – вторит голосам протяжное долгое эхо.

Начало августа. Теплый летний вечер... Ветра нет совсем, и в зеркальной глади неподвижного озера отражаются верхушки старых разлапистых елей, кудрявая зелень прибрежных кустов, безоблачное чистое небо.

Слева от Сашки стоит стена густого непролазного леса, справа – широкое ромашковое поле. По пыльной дороге мелкой рысью трусят верхом два белобрых деревенских паренька, и заходящее красное солнце освещает своим закатным светом их загорелые гибкие спины.

Сашка садится на серый замшелый валун и ждет... Слышно, как по озеру тут и там всплескивает играющая рыба, и мягкие пологие круги мелкой рябью расходятся по воде.

Громыкает на том берегу железная якорная цепь, глухо стучат о борта весла. Темный силуэт плывущей лодки отчетливо проступает на фоне густой прибрежной тресты. Протяжно поскрипывают ржавые уключины.

Воздух еще не развевал тепло уходящего дня. Запахи леса и полевых цветов наполняют его. Звонящие полчища комаров клубятся у воды.

Всплески весел становятся ближе.

– Правее! Правее бери! – направляет Сашка приятеля. Тот поворачивает голову и, улыбаясь, прилежно налегает на весла.

Лодка с тихим шуршанием вползает на песок. Сашка легко запрыгивает в нее... И снова утлая плоскодонка скользит по неподвижной зеркальной воде.

Тихо... Лишь слабые голоса друзей на том берегу да шум пробегающих по железной дороге поездов нарушают эту первозданную тишину. Приятель гребет широко, уверенно... Следом за лодкой тянется волнистый след потревоженной воды. Желтые цветы кувшинок покачиваются на пологих волнах.

Приятель поднимает весла. С них сбегает тонкие прозрачные ручейки. Слышно, как капли бьются о водную гладь.

– Нинка твоя тоже приехала...

– Да?

– И не одна... Бортанула она тебя значит?

Сашка невольно морщится. Ему неприятно говорить об этом.

– Да, ладно... – приятель небрежно сплевывает за борт. – Дело житейское... А хочешь, морду ему набьем?

– Не выдумывай. Гребь, давай.

В кругу друзей у костра хорошо проводить время. Но сегодня все не так... Занозой сидит в сердце боль. Знал бы, не поехал. Хотя... Глупо, конечно, но он все еще на что-то надеется.

Быстро темнеет. Нина сидит напротив, по ту сторону ярко пылающего костра. Огненные красноватые блики весело пляшут на ее сосредоточенном, задумчивом лице. В дрожащих отсветах пламени она кажется Сашке необыкновенно красивой... Рядом сидит ее кавалер, что-то говорит ей на ухо. Нина молча кивает. Парень снимает пиджак и набрасывает ей на плечи.

По кругу идет бутылка с вином. Глухо бряцают наполненные чашки и кружки. Сашка хочет чокнуться с ней, но она незаметно уклоняется.

Тяжело, муторно на душе. И даже вино не в силах победить это чувство.

Кто-то передает Нине гитару. Она легонько трогает пальцами тугие струны, поправляет сбившуюся прядь длинных светлых волос. Потом берет первый аккорд...

Именно благодаря гитаре они и познакомились. В комнате общежития, где жила девушка Сашкиного друга, вечерами часто собиралась молодежь. Однажды он с приятелем заглянул на огонек и увидел симпатичную блондинку, которая что-то пела под гитару. В зеленом ярком платье с алыми цветами, губки бантиком... В общем, дрогнуло у Сашки сердце. А поскольку он и сам неплохо умел играть на гитаре, то вскоре они уже пели на пару. Обменивались репертуаром, показывали друг другу аккорды... Целую неделю Сашка по вечерам пропадал в общежитии, в обществе своей новой знакомой. С каждым днем они становились друг другу все ближе. Первые случайные прикосновения, долгие пронзительные взгляды... Но в один из вечеров он пришел и не увидел ее. На пустой койке сиротливо лежал свернутый рулоном полосатый матрас. Оказалось, что Нина уехала насовсем, в другой город... «Ничего себе! – растерянно подумал Сашка, опускаясь на предложенный ему стул. – И даже ни слова, ни пол словечка ему об этом.. Выходит все несерьезно, так, ерунда... А он-то подумал...» Сашка всем своим видом старался показать, что его не очень расстроил этот внезапный отъезд. Однако у него это плохо получалось. Соседка по комнате протянула ему сложенный пополам бумажный листок – «Вот ее новый адрес». Сашка неуверенно развернул, пробежался взглядом, машинально сунул бумажку в карман. Что толку от этого адреса, если она даже не попрощалась... Соседка доверительно наклонилась к нему. «Нинка мне говорит: если спросит адрес, то дай, а если нет – то не надо» – «Считай, что спросил!» – ответил повеселевший Сашка. Ему стало не так обидно. Выходит все же она думала о нем... Тем же вечером он отправил ей короткое письмо. И был обрадован быстрым ответом. Нина писала, что отъезд ее вынужденный, связанный с работой.

А ему ничего не сказала потому что не уверена была в серьезности мимолетного знакомства... Между ними завязалась переписка. С каждым разом письма становились все длиннее. И все более откровенными... Пролетела осень, наступила зима. Вышло так, что девушке Сашкиного приятеля нужно было съездить на день в тот же город, где жила сейчас Нина, за какой-то там справкой. И они решили поехать втроем. Чтобы заодно и в гости к Нине заглянуть... Денег у них было мало, поэтому решили билеты брать только в обратную сторону. А туда – добираться на перекладных, в кабине тепловоза. Договорились со знакомым машинистом, и тот пустил их на резервную секцию. Потом передал по смене другой бригаде. Те, в свою очередь – следующей... Утром друзья оказались в большом заснеженном городе. Первым делом обзавелись нужной справкой для девушки друга, а потом отправились на поиски Нины. Девушка приятеля хорошо знала город, так как родилась здесь, поэтому они быстро нашли нужный адрес. Это было обычное общежитие... Сашка заметно волновался. И не столько от предвкушения близкой встречи, сколько от того, что боялся попасть в глупое положение. Ведь они решили нагрянуть внезапно, без предупреждения. А вдруг она с кем-нибудь? «Ну и пусть, – решительно подумал Сашка, поднимаясь с друзьями по широкой светлой лестнице на нужный этаж. – Как будет, так и будет...» Но вопреки его опасениям, неожиданным гостям оказались рады. Вместе с Ниной в комнате жили еще две девушки. Сообща быстро организовали стол, нашлось чего выпить и закусить. Два часа пролетели как миг... Прямо из-за стола всей толпой отправились на вокзал. Поезд уже подали под посадку. Там, на этом заснеженном перроне они в первый раз и поцеловались. Неумело, все еще стесняясь друг друга, под одобрительные возгласы и подначки друзей... Потом пришла долгожданная солнечная весна. С первой каплей и первыми ручьями Нина вернулась обратно. По работе все удалось уладить, и она поселилась там же, где жила до отъезда. Их первая прогулка была трогательной и наивной. Похрустывал под ногами тонкий мартовский ледок, мерцали в небе далекие звезды. Они шли по пустынной вечерней улице и молчали. Сашка вдруг оробел до невозможности и буквально рта раскрыть не мог. Казалось ему, что сейчас ляпнет что-нибудь невпопад, а Нина подумает, какой он глупый. И так они шли и шли, рука об руку, улица за улицей, и все никак не могли начать разговор. Заговорить первой Нина, видимо, тоже не решалась... Целых два часа длилась эта странная немая прогулка. И лишь когда они зашли в подъезд и стали целоваться, только тогда к ним вернулся утраченный дар речи. Вспоминая потом об этой их первой прогулке, Сашка думал, что, может, так и должно было быть? Может, слова были и не нужны вовсе? Потому что там, где в это время летали их души, все понятно было без слов... Всю весну они были вместе. И начало лета тоже. А потом... Как-то разом внезапно расстались. Глупо, нелепо... И сейчас она сидит перед ним и не смотрит ему в глаза. А рядом – другой. Тот, который укрывает ее загорелые плечи своим пиджаком.

– Айда за дровами, ребята! – бросает кто-то веселый клич.

Все разбредаются по берегу собирать валежник для костра. Друг подталкивает его в спину: «Иди, вон она... Одна» И Сашка вдруг оказывается с ней рядом.

– Постой... Нам надо поговорить.

Нина обходит его и идет дальше.

– Постой!

Сашка догоняет ее и становится на пути. Внутри у него все стонет от боли. Он мучительно пытается отыскать какие-то слова.

– Зачем ты это делаешь?... Зачем?!

Она смотрит на него холодным равнодушным взглядом.

– Я люблю тебя... Понимаешь? Люблю!.. Давай начнем все сначала.

– Нет... – тихо роняет Нина и уходит.

У вина горький привкус имбиря. И оно совсем не пьянит... И не радует дружеское застолье. Хочется побыть одному. Сашка, не прощаясь, незаметно уходит. Одинокó бредет в тем-

ноте к железнодорожной станции. Потом недолго едет в прокуренном тамбуре пригородного вагона.

На автобусной остановке никого нет. Только влюбленная парочка отрешенно целуется под уличным фонарем. Присев на краешек⁴ деревянной скамьи, Сашка ежится от вечерней прохлады. На нем лишь брюки да футболка с короткими рукавами. Днем было жарко, не то, что сейчас... Собирается гроза. Порывистый ветер доносит издалека глухие раскаты грома. Яркие молнии освещают тревожное непроглядное небо.

«Все кончено... Все кончено... Ничего уже не вернуть» – опустив голову, Сашка сидит в самом темном углу автобусного павильона и ему хочется стать совсем незаметным. Убежать, раствориться, исчезнуть... Чтобы никто не смог увидеть его таким, как сейчас: жалким, несчастным, одиноким.

Внезапно из темноты появляются четыре рослые фигуры. Они направляются прямоком к остановке. Парочка перестает целоваться и настороженно замирает.

– О-о-о-о!.. А мы здесь оказывается, не одни-и-и-и... – раздается пьяный похабный голос. – Девушка, пойдемте с нами!

Четверо парней обступают влюбленную парочку. Они чувствуют свое превосходство и упиваются этим. Хмельной угар придает им куражу.

– Ну, пойдем со мной, подруга? – один из них грубо хватает девушку за плечо.

– Отстань! – звонко вскрикивает она, вырываясь.

– Че ты из себя целку строишь, кобыла? – зло бросает другой, плечом оттирая от нее кавалера. – Не понимаешь по-хорошему?

– Иди-и отсюда! – девушка толкает его в грудь и в голосе ее уже слышатся слезы. – Я сейчас милицию позову!

– Ой, испугала! – парень с издевкой смотрит на нее. – А давай вместе позовем... Ми-и-и-ия-а-а! Ми-и-и-ия-а-а!.. Ау-у-у! Ты где?

– Ха-ха-ха? – пьяно ржут у него за спиной кореша. Им весело от ощущения собственной силы и безнаказанности.

– Чего пристали? – слабым голосом пытается урезонить хулиганов друг девушки. – Чего вы от нас хотите?

– Чего хотим? – нагло переспрашивает парень, усмехаясь ему в лицо. – Подраться хотим... Ну, и еще кое-что на десерт.

– Ха-ха-ха!... Ха-ха-ха! – покатываются со смеху его друзья.

Сашка выходит из темноты под свет фонаря.

– Кто здесь хочет подраться?

Смех обрывается неожиданно, будто отключили рубильник. Компания ошалело тарашится на него. Он подступает к одному из них близко-близко, глаза в глаза...

– Ты?

Парень как под гипнозом делает шаг назад и опускает голову.

– А может быть ты? – чуть пригнувшись, готовый к броску, Сашка надвигается на другого. Противник растерянно молчит.

– Идите, – кивает Сашка испуганной парочке. – Идите... А мы тут немного поговорим...

Вспышка молнии освещает его решительное лицо. Он готов на все. Ни тени страха, ни капли сомнения... Что может сейчас испугать его? Когда мир, в котором он до сих пор жил – упал и разбился вдребезги.

Гордо вскинув голову, Сашка ждет предстоящей развязки. Чем быстрее, тем лучше... Ну, давайте, ребята! Ну!..

– Мы не будем драться с тобой, Урманов, – внезапно слышит он.

Говорящий стоит чуть поодаль, в полутьме. И судя по голосу – они не знакомы. Откуда тогда тот знает, как его зовут?

Сашка не может ответить на этот вопрос. Однако, ему лестно... Оказывается в определенных кругах он широко известен. И что ни говори, а приятно ощущать себя бойцом, с которым лучше не связываться.

Урча мотором, из-за поворота выворачивает запоздалый автобус. Яркий свет фар освещает остановку. Парень и девушка быстро забираются внутрь, в заполненный пассажирами салон.

Решив не испытывать судьбу, Сашка входит следом. У него такое ощущение, словно он только что сыграл в «русскую рулетку» – крутанул барабан, нажал на спуск, но выстрела не последовало.

«Ну, хоть в чем-то должно везти...» – с грустной усмешкой думает он, ощущая, как наваливается на него гнетущая усталость.

– Встать!.. Смирно!

Урманов мгновенно взлетел со стула и застыл, вытянув руки по швам. Тетрадь с записями соскользнула со стола, но он успел подхватить ее на лету.

– Спим, да? – голос сержанта Лаврова звучал угрожающе.

Втянув голову в плечи, Урманов попытался что-то сказать, но неожиданно с облегчением понял, что вопрос адресован не лично ему, а всей роте. Вернее, двум отделениям... Учебные классы рассчитаны на двадцать пять-тридцать человек. И на занятия по теории, рота ходит в два потока. Пока одни осваивают огневую подготовку, другие изучают тактико-специальную. Или еще что-нибудь...

В учебный класс заглянул старший сержант Гуссейнов. Увидев стоящих по стойке смирно курсантов, он вопросительно взглянул на Лаврова.

– Спят, Джафарыч! – обиженно воскликнул тот.

– Так выведи их на улицу, пусть мотанут пару кругов, – посоветовал ему Гуссейнов. – Сразу сон как рукой снимет.

– Форма три! Выходи строиться!

Оставив поясные ремни на своих местах, курсанты по форме три, в головных уборах, потянулись на улицу. Построившись в колонну по два, застыли на холодном ветру. После теплого учебного класса, на улице было неуютно.

– Кросс, три километра... – злорадно улыбаясь, поставил задачу Лавров. – Время на выполнение – тридцать минут, тридцать секунд. Не укладываемся в норматив – бежим снова. Вопросы?

– Никак нет! – дружно грянул хор голосов.

– Внимание... Марш! – Лавров засек на секундомере время и дал отмашку рукой.

Курсанты галопом понеслись по заледеневшему, расчищенному от снега асфальту. «Пум-пум-пум!» – привычно застучали тяжелые кирзовые сапоги. «Тук-тук-тук!» – в такт им забилося сердце. Урманов с тоской подумал о том, что рано расслабился.

Курсантам предстояло пробежать три круга вокруг гарнизонных построек. Каждый круг – километр... Маршрут был давно известен. Но сегодня утром они уже бежали такой кросс. Днем занимались в спортзале до изнеможения. И вот теперь – снова... Все это было не очень-то приятно.

Урманов старался не думать о том, сколько они уже пробежали, и сколько им еще предстоит. Он просто монотонно переставлял тяжелеющие с каждым шагом ноги, стараясь не глядеть по сторонам. Широкая спина Гвоздева в вечернем неверном свете маячила перед ним, словно экран, и он тупо смотрел, как энергично двигаются под гимнастеркой туда-сюда его мощные лопатки.

Первый круг Урманов пробежал довольно легко, а на втором ему вдруг стало не хватать дыхания. Жадно втягивая перекошенным ртом морозный воздух, он со свистящим хрипом выбрасывал его из легких, чувствуя, как постепенно нарастает жгучая, тупая боль в груди.

«Надо же, как не повезло... А третье и четвертое отделения сидят сейчас в теплом классе и в ус не дуют. Хорошо им... Может быть смотрят на нас сейчас из окна и радуются».

Бегать Урманов никогда не любил. Ну, километр, еще, куда ни шло. А больше – каторга... И как только некоторые бегом увлекаются? Добровольно... Вон, Чухломин, бежит себе рядом, как огурец. На лице – улыбка... И после утреннего кросса всегда умудряется еще покурить втихаря. Достанет из-за козырька шапки заначенный «хабарик» и успевает несколько раз затаиться. Легкие у него, наверное, как у слона.

– Ну, давай, Кузя! Шевели копытами!.. Чего отстаешь?

– Ноги... – курсант Кузьмин морщит искаженное мукой лицо. – Больно... Утром еще натер.

– Терпи, Кузя, терпи, – уговаривает его кто-то на бегу. – Слышал, что Лавров сказал? Еще три круга хочешь?

– Да, ладно... – Кузьмин болезненно скалит белые крепкие зубы. – Пугает только...

– Жми, давай! Последний километр остался.

Они вышли на финишную прямую. Дробный стук грубых солдатских сапог, шумное, тяжелое дыхание... Видно уже, как широко расставив ноги, стоит у заветной черты сержант Лавров и смотрит на включенный секундомер.

«Все, добежал! – радостно подумал Урманов. – Конец мучениям... В тепло, в казарму».

Курсанты столпились на финише. Кое-кто все еще не может отдышаться, но на лицах уже улыбки... Все, отбегали, на сегодня хватит.

– Становись! – скомандовал сержант Лавров и бесстрастно подвел неутешительный итог. – Ну, что? Не уложились в норматив...

В морозном воздухе повисла зловещая, тревожная пауза. Урманов в отчаянии закрыл глаза.

«Неужели снова? Нет, это невозможно... Лучше сразу сдохнуть».

– В целом пробежались неплохо, – продолжал между тем Лавров. – Но время засекают по последнему. А последним у нас пришел курсант Кузьмин. На целых восемь секунд позже. Можете ему сказать спасибо... Так что придется повторить.

Недовольный шумок колыхнулся в строю. Но тут же затих под пристальным взглядом командира.

– Товарищ сержант, – с надеждой подал голос Мазаев. – А может не надо? У нас и так сегодня физическая подготовка была.

– Отставить разговоры, курсант! – оборвал его Лавров. – Все повторяем сначала. Кросс три километра... Время – двенадцать тридцать. Если не укладываемся – бежим снова... Вопросы?

Тишина в строю... Курсанты едва отдышались, а их снова норовят в бега отправить. Нет, это уже чересчур.

– Вопросы? – настойчиво повторяет сержант Лавров.

– Никак нет! – неожиданно громко, как будто даже с какой-то веселой злостью отзывается строй.

– На старт, внимание... – сержант отвел в сторону руку с секундомером. – Марш!

Колонна послушно сорвалась с места. И снова сквозь грохот сапог Урманов услышал стук своего сердца. Снова впереди замаячила знакомая до боли спина, снова зашло дыхание и привычной тяжестью налились ноги.

«Сколько это может продолжаться?... А если опять не уложимся? Что тогда?»

Будь Урманов на гражданке, он бы давно уже бросил все, да и пошел пешком. Но здесь армия... Тут твои желания по барабану: хочешь, бежишь и не хочешь – тоже бежишь; можешь – бежишь, и не можешь – все равно бежишь... И откуда только силы берутся?

Длинные ломкие тени струились по белому снегу. Они двигались следом за строем курсантов. Порывистый ветер легко вздымал белесую поземку, кружил ее над стылой землей, бросая в лицо бегущим колючую снежную пыль.

Урманов обреченно смотрел перед собой, видя только спину бегущего впереди Гвоздева. Чувства и эмоции притупились... Время как будто застыло. Казалось, они бегут уже весь день. А впереди еще долгая, долгая ночь, которая будет длиться вечно. И они все так же будут бежать, бежать и бежать – без отдыха, без передышки, круг за кругом, километр за километром, пока, наконец, совсем обессилев, не свалятся где-нибудь замертво.

– Не отставай! – долетел до Урманова чей-то приглушенный крик. Он обернулся и увидел позади строя едва ковыляющего Кузьмина. Лицо его искажала страдальческая гримаса.

– Гвоздь! – Урманов хлопнул по спине бегущего впереди приятеля. – Кузя!

Тот все понял и принял вправо, пропуская мимо себя бегущих курсантов.

С двух сторон они подхватили Кузьмина под руки и потащили вперед. Тот почти повис на их плечах, машинально перебирая ногами.

Если до этого бежать было тяжело, то теперь – стало совсем невыносимо... Урманов жадно хватал приоткрытым ртом морозный сухой воздух. Желтые пятна фонарей раскачивались у него перед глазами.

«А как же на войне? Раненого под огнем вытаскивать... Это ведь еще тяжелее» – слабо полыхнула где-то на задворках подсознания нелепая мысль.

Десять, двадцать метров позади... Еще десять, еще двадцать... С каждым шагом все ближе конец этих долгих мучений. С каждым шагом вперед...

От строя бегущих отделились две крепкие фигуры. Ни слова не говоря, молча, приняли Кузьмина у обессилевших товарищей. Те с готовностью уступили им свою непосильную ношу... Потом, метров через сто пятьдесят на смену им пришла следующая пара. И так – до самого финиша...

– Становись! – сержант Лавров довольно прищурился перед строем. – В нормативное время на этот раз уложились все... Пять минут перерыв – и на занятия.

Курсанты долго не могли отдышаться. Кое-кого заметно пошатывало. Но у всех лица сияли – еще одно испытание позади. Теперь до утра никаких потрясений. Пару часов теории в учебном классе, потом ужин, час свободного времени – и отбой... А уж со словом отбой у курсантов связаны самые приятные ассоциации. Еще бы!.. Целых восемь часов тишины и покоя. С десяти вечера и до шести часов утра. Конечно, если ты не провинился в чем-нибудь в течение дня, то есть – «не залетел». В этом случае сон может быть значительно короче.

Прежде чем пойти в учебный класс, курсанты отправились в курилку. Урманов тоже зашел туда, скорее, по привычке, чем от желания затянуться. После долгого бега в груди все горело.

Он машинально вытянул из кармана пачку, достал сигарету, прикурил от общего огонька. Затянулся... И поперхнулся горьким едким дымом.

«Зачем мне это? – вдруг подумал Урманов. – Мало того, что организм буквально изнемогает от непосильных нагрузок, так я еще травлю его изнутри... Это похоже на предательство».

Взглянув на тлеющую сигарету, он решительно бросил ее в урну.

– Ты чего? – удивился Широкоград. – Там же еще на пол взвода хватит... Засолил бы хоть «бычок»...

– Зачем? – равнодушно произнес Урманов. – Я завязал.

– Надолго?

– Навсегда.

– Ха-ха-ха! – усмехнулся Широкоград. – Я тоже сколько раз бросал... Закуришь ведь снова. Вот лычки сержантские получишь, жизнь наладится, и закуришь.

Урманов ничего не ответил. Просто покачал головой и ушел.

– Нет, этот не закурит, – задумчиво обронил ему вслед Гвоздев. – Я его знаю... Если Урманов сказал, значит так и будет.

Глава 4

Нет ничего лучше для курсанта, когда вместо занятий его отправляют куда-нибудь поработать. И уж совсем здорово, если это продовольственный склад. Тут везение двойное... Во-первых, не на морозе; а во-вторых, обязательно что-нибудь пожевать найдется.

Сегодня счастливый жребий выпал Урманову, Кольцову и еще двоим. С ними вместе отправились сержанты Левин и Бадмаев. Вообще-то старшим назначили одного Бадмаева, но Левин, пользуясь хорошим настроением старшины роты, выпросился у него сам.

Продовольственный склад включал в себя несколько отдельно стоящих строений, соединенных между собой крытыми утепленными переходами. Поэтому здесь даже в лютый мороз было относительно тепло. В соответствии с условиями хранения тех или иных продуктов, конечно...

Курсантам предстояла несложная работа по перебору капусты. Хорошие и не тронутые порчей кочаны – в одну сторону, а те, что с гнильцой – в другую. Запах здесь был тяжелый. Но потенциальная возможность чем-нибудь поживиться затмевала собой все остальное.

Начальник склада прапорщик Волков выдал каждому по паре новых матерчатых рукавиц и курсанты с энтузиазмом принялись за дело. Они перекидывали тяжелые крепкие кочаны с рук на руки, как футбольные мячи. Плохая капуста отправлялась в специальный лоток, и по нему скатывалась в бортовую тележку, которую по мере наполнения увозили.

Сержанты сидели поодаль на деревянных дощатых ящиках и вполголоса обсуждали что-то между собой. К ним подошел солдат из автороты. Краем уха Урманов уловил возбужденные реплики и внимательно прислушался.

– Слыхали новость? – после приветствия выпалил солдат, судя по всему одного с ними призыва. – Чиж подстрелили...

– Какого чижа? – недопоняв, переспросил Бадмаев.

– Ромку Чижова!..

«Вот это да!» – Урманов чуть кочан из рук не выронил. Это был его знакомый, тот самый, из автороты. Которого он угощал сигаретами на КПП, в первый день приезда, и который в свою очередь недавно отблагодарил его сахаром в столовой.

– А дело так было... – солдат перевернул лежащий на полу ящик, присел на него рядом с сержантами. – Ромка поздно приехал, он командира отвозил. Поставил машину в гараж, пошел спать. А тут как раз на хоздворе, на внутреннем посту его приятель стоял – Гайфуллин. Ну, покурили они... Ромка ему и говорит – дай стрельнуть. Тот ни в какую – слышно, мол, будет. Чиж давай его уговаривать. Кто, дескать, в два часа ночи услышит? Все спят... И патрон свой есть даже, со стрельб остался. Короче – уговорил. Дал Гайфуллин ему автомат. Ромка по лампе на столбе выстрелил и хотел спать идти. А приятель заволновался – ну, как увидят, что в стволе нагар? Начнут допытываться, откуда? В караул ведь с чистым ведь стволом заступал... Чиж ему и говорит – не волнуйся, мол, сейчас почистим. Берет, отрывает подворотничок, снимает со ствола шомпол. Давай, говорит, я буду чистить, а ты автомат держи. Гайфуллин встал на колено, оружие прикладом в землю упер, затвор оттянул до отказа. Чиж сверху склонился и шомполом в стволе шурует. Почистил... «Все, – говорит, – готово!» Гайфуллин недолго думая затвор отпустил, контрольный спуск... Это же на автопилоте, сами знаете. Все правильно сделал, все по уставу. Вот только магазин вначале забыл отсоединить. И когда затвор отпустил, патрон в патронник из магазина – раз! – как тут и был. Гайфуллин контрольный спуск сделал – а тут очередь! Две пули в грудь... Ромка даже шомпол из ствола достать не успел. Он его насквозь прошел и за забор улетел. Утром только нашли, далеко от места...

– Живой? – осторожно спросил Бадмаев.

– В госпитале... Тяжелый, говорят... Выживет ли? Неизвестно.

– Откуда подробности знаешь? – спросил Левин.

– Гайфуллин сам рассказал. Сразу, как случилось... Нас же среди ночи поднимали шомпол этот искать... Сейчас арестовали, посадят наверное.

– Да-а, – сочувственно вздохнул Бадмаев. – Не повезло...

– Башку надо иметь! – жестко отрезал Левин. – Это надо додуматься – так оружие чистить.

– Хорошо еще шомпол нашли, – подытожил солдат. – А то ведь можно предположить все, что угодно. Так повернуть, будто Гайфуллин специально его подстрелил. Чиж-то еще без сознания...

Урманов механически продолжал перекидывать капустные кочаны, а сам не мог избавиться от мрачных мыслей. Как-то все это было неожиданно.

«Жаль Чигова. Хороший парень... Надо же было так!..»

Работа подошла к концу. Курсанты отсортировали последние кочаны и направились к сержантам.

– Все? – спросил Бадмаев.

– Так точно.

– Сейчас, прапора позову.

Он ушел и вернулся с начальником склада. Тот посмотрел, принял работу и разрешил каждому взять по кочану. Но есть тут же, не выносить.

Курсанты вместе с сержантами перешли в подсобное помещение, уселись за стол и, вооружившись ножом, принялись за трапезу. Капуста была сочной, белой, слегка сладковатой на вкус. Урманову она даже чем-то напомнила арбуз... С хрустом вгрызаясь в прохладные, плотные, крупно нарезанные куски, он быстро справился со своим кочаном.

Пора было возвращаться в расположение. Убрав за собой мусор, все вместе потянулись на выход.

Они шли мимо стеллажей, плотно заставленными банками с тушенкой, сгущенкой и прочими солдатскими деликатесами. В огромных баках хранились квашеная капуста и соленые огурцы. Красная рыба тускло поблескивала чешуей в деревянной кадучке.

– Стой! – неожиданно услышал Урманов за спиной чей-то повелительный шепот. Он обернулся и увидел перед собой сержанта Левина. В следующее мгновение ворот его бушлата распахнулся и за пазухой у него оказался довольно внушительный шмат сала.

– Тс-с-с-с! – приложил указательный палец к губам сержант Левин и подтолкнул Урманова к выходу.

«Вот это да! – только и успел подумать растерянный курсант. – Попа-а-а-ал!»

Кусок сала заметно выпирал под бушлатом. Снизу его поддерживал туго застегнутый поясной ремень... И как Урманов ни вертел этот холодный, обсыпанный крупной солью шматок, спрятать его никак не получалось.

Прапорщик Волков ждал их на выходе. Проскочить мимо него было невозможно. Значит, разоблачение неизбежно?

Урманова бросило в жар. Он не знал, как поступить... Честно сказать – вот, мол, сержант такой-то засунул мне за пазуху кусок сала – было немислимо. Это значило бы заложить ближнего своего и покрыть себя несмываемым позором в глазах всей учебной роты. А если промолчать и не сказать ничего – значит неминуемо попасться с поличным. И покрыть себя несмываемым позором в глазах начальника склада, а так же всего командного состава части. Кроме того – это ведь даже не дисциплинарный поступок. Это уголовная статья... Воровство с продовольственного склада.

«Что же делать? Что же делать?» – лихорадочно билось в мозгу.

Выхода не было... Это как в шахматах. Там есть такой термин – «цуцванг». Означает, что как ни пойдешь – все одно к ухудшению ситуации. Так было и здесь.

Шаг за шагом приближался урманов к прапорщику, стоявшему у дверей. Было обидно, что его, никогда ничего не укравшего, сейчас могут принять за вора. Да он скорее бы руку дал на отсечение, чем позволили себе взять чужое. Так был воспитан... Как-то, еще первоклассником, в школьной столовой он нашел кошелек. Открыл, а там – деньги. Первой мыслью было оставить себе, спрятать. Это сколько же конфет и разных сладостей можно было закупить! Но он решил иначе – отдал деньги учительнице... Поскольку хозяина найти не удалось, на эти деньги для класса купили настольные игры, а его похвалили и поставили всем ребятам в пример. За честность... Родителям было приятно, и бабушкам, а особенно – деду. Ведь он сам однажды поступил точно так же. Нашел кошелек и вернул владельцу. Бескорыстие было у них в роду...

И вот сейчас Урманов должен был вытерпеть унижение и позор. Совсем незаслуженно... На душе было мерзко.

Наконец они поравнялись. Прапорщик Волков окинул его долгим пристальным взглядом. Урманов втянул голову в плечи. Шаг, другой... Он ступал, словно по скользкому льду, ожидая развязки. Но начальник склада молчал.

Курсанты вышли на улицу, построились в колонну по одному и вместе с сержантами покинули территорию склада. Шагая в строю, Урманов сутулился и все еще ждал грозного окрика, как выстрела в спину. Но его так и не прозвучало...

Сразу после обеда учебную роту отправили на стрельбы. Облаченные в бушлаты, с автоматами и подсумками на ремне, курсанты весь путь до стрельбища преодолели бегом. Благо, что расстояние было небольшое – всего каких-то полтора километра.

Распогодилось... Серые низкие облака расступились, сквозь них проглянуло яркое синее небо, и веселое солнце щедро залило своим ослепительным светом округу. Белый, нетронутый снег засиял, заискрился холодными искрами. Все как-то по-праздничному преобразилось, посвежело... И зимний солнечный день предстал во всей своей красе.

На полигоне учебная рота разбилась по отделениям. Как обычно, начали с азов... Первые пол часа посвятили тренировке на правильность занятия позиции и изготровки к стрельбе. Казалось бы, чего проще, по команде «Лежа, заряжай!» упасть на землю, присоединить к автомату магазин и доложить: «Курсант такой-то к стрельбе готов!» Но это только так кажется. На самом деле, правильно изготвиться к стрельбе – целая наука.

Урманов помнил, как нелепо порой выглядели многие из молодых солдат, впервые выполнявшие эту команду. Неуклюжие, суетливые, медлительные... Порой без улыбки невозможно было смотреть на иного вояку, как он с кряхтением опускался на четвереньки, потом шлепался на живот, потом неуклюже ворочался с боку на бок, пытаясь отыскать подсумок с магазинами, затем долго-долго вставлял «рожок» в автомат, болтая стволом из стороны в сторону... Теперь, конечно, каждый из них делает это изящно, красиво и быстро. Им ведь важно не только освоить это самим. Они в скором времени будут обучать других. Поэтому снова и снова, раз за разом повторяют курсанты эти простые движения.

– Делай раз! – командует сержант Бадмаев.

Шеренга курсантов делает шаг вперед.

– Делай два!

Курсанты одновременно сдергивают с правого плеча автомат, берутся левой рукой за цевье, откидывают железный приклад, опускают оружие к бедру.

– Делай три!

Курсанты быстро опускаются на правое колено, держа автомат в левой руке, упираются прикладом в землю.

– Делай четыре!

Курсанты ложатся, опираясь на левый локоть, потом переворачиваются на левый бок и достают из подсумка магазин.

– Делай пять!

Одним движением курсанты вставляют магазин в автомат, переворачиваются на живот, щекой прижимаясь к железному откидному прикладу.

– Делай шесть!

Большим пальцем правой руки предохранитель отжимается вниз, затворная рама оттягивается до упора, отпускается... Лязгает затвор, снова щелкает в обратном направлении предохранитель.

– Курсант Урманов к стрельбе готов!

– Курсант Гвоздев к стрельбе готов!

– Курсант Кольцов к стрельбе готов!

Эхом проносится это многоголосье вдоль лежащей шеренги курсантов. Они лежат ровно, стволы автоматов – на одной линии с правой ногой, левая откинута чуть в сторону, ступни прижаты к земле.

– Лежа-а... Разряжай! – буднично командует Бадмаев.

Так же, по счету, курсанты начинают выполнять действия в обратном порядке. Затем, по команде «Встать!», изящно приподнимаются на вытянутых руках, выбрасывают согнутую в колене правую ногу под себя и, оттолкнувшись от земли, одновременно встают.

– Становись!

Курсанты выравнивают носки по одной линии, стряхивают с оружия и одежды налипший снег.

Щурясь от яркого солнца, Урманов оглядывает полигон. Первое отделение уже выдвигается на огневую. Третье и четвертое так же продолжают отрабатывать изготровку к стрельбе лежа.

– Второе отделение, получать патро-о-оны! – доносится издалека крик старшего сержанта Гуссейнова.

– Напра-а-а-во! – командует Бадмаев. – К пункту выдачи боеприпасов – бегом марш!

Пункт выдачи боеприпасов – это маленькая кирпичная пристройка к смотровой вышке, похожей на узкий многоэтажный дом, с которой как на ладони видно все стрельбище. Однажды Урманов был там, наверху... Именно отсюда осуществляется управление всеми сложнейшими механизмами и самой современной автоматикой, которой оснащен полигон. Огромные пульта со множеством разноцветных лампочек, всевозможных рычажков и тумблеров располагаются по окружности, вдоль широких вытянутых окон. За пультом, в наушниках, сидит оператор и внимательно слушает команды руководителя стрельб, который по ходу дела указывает, в каком секторе, какие мишени ему будут нужны.

Сегодня курсантам предстоит выполнить упражнение, обозначенное в перечне, как упражнение 1А(п)... 1А – это поражение двух грудных мишеней с расстояния в сто пятьдесят метров и поражение одной ростовой мишени, с расстояния в двести метров. А буква «п» означает, что выполнять упражнение необходимо в противогазе. На все про все – десять патронов. Стрелять необходимо только очередями. Одиночный выстрел допустим только последним. Если он прозвучал раньше – оценка снижается на один балл.

Урманов получил свой десяток патронов и прямо на месте начал снаряжать магазин. В маленьком тесном помещении было тепло. Узкие окна, покрытые паутиной бугристой изморози, едва пропускали дневной свет. Под низким потолком висела тусклая лампа, на витом шнуре. Повсюду на полу валялись рваные пустые пачки воценой бумаги из-под патронов. В углу пирамидкой возвышались набитые боеприпасами зеленые цинковые коробки, похожие на большие консервные банки.

– Кто получил патроны – марш на улицу! – приказал лейтенант из службы тылового обеспечения. – Нечего здесь толпиться.

«Щелк-щелк-щелк!» – слышалось здесь и там. Это курсанты, получившие патроны, спешили тут же, не выходя из тепла, снарядить их в магазины. На улице делать это несподручно – пальцы стынут.

Построив отделение, сержант Бадмаев выдал курсантам специальные карандаши, чтобы они натерли изнутри стекла противогазов. Это для того, чтобы окуляры не запотели. Иначе ничего видно не будет.

На огневой рубеж выходили попарно. Урманов попал вместе с Кольцовым... У каждого в паре свой сектор обстрела. Урманов был слева, значит его мишени – левые. А у Кольцова, соответственно, справа...

Командир учебной роты капитан Курбатов, кутаясь в поднятый воротник офицерского бушлата, важно восседал за низеньким раскладным столом. Шапка-ушанка была разогнута, на ногах – валенки... Передним на столе лежал раскрытый журнал учета, где он остро отточенным карандашом аккуратно отмечал результаты стрельб. Тут же, на столе, были цейсовский бинокль, двухлитровый китайский термос с горячим чаем и белая эмалированная солдатская кружка. Время от времени капитан подливал себе в кружку горячего чаю и, вооружившись биноклем, контролировал процесс.

Непосредственно на огневом рубеже руководил старший сержант Гуссейнов.

– Лежа, заряжай!

Урманов снял с плеча автомат, откинул черный железный приклад, опустил на колено, припал на локоть, лег на левый бок, извлек из подсумка набитый патронами магазин. Автомат сухо щелкнул фиксирующим замком, принимая холодный ребристый «рожок».

Сдвинув предохранитель, Урманов дернул затворную раму на себя, и отпустил. Патрон с металлическим лязгом вошел в патронник. Щелкнул предохранитель...

– Курсант Урманов к стрельбе готов! – доложил он, зафиксировав положение прижатыми к земле ступнями.

– Курсант Кольцов к стрельбе готов! – почти одновременно с ним произнес напарник.

Старший сержант Гуссейнов одобрительно кивнул.

– Газы!

Отложив в сторону автоматы, курсанты в положении лежа скинули головные уборы, перевернулись на бок, достали из брезентовых сумок противогазы и, задержав, как положено, дыхание, натянули их на головы.

Урманов почувствовал, как застывшая на морозе резина неприятно обтянула лицо. Он подхватил, лежащую рядом ушанку, надел на затылок, поверх противогаза. Потом снова взял в руки автомат.

– Внимание! – продолжал между тем Гуссейнов, прохаживаясь позади распластанных на снегу курсантов. – Первый показ... Грудные мишени. Расстояние сто пятьдесят метров. Время показа – десять секунд. Следить за полем!

Сжимая озябшими пальцами холодную сталь автомата, Урманов сквозь стеклянные окуляры противогаза вглядывался в заснеженную холмистую равнину. Где-то там вот-вот должны были появиться силуэты грудных фанерных мишеней. На залитом ярким солнцем снегу их должно было быть хорошо видно. Но... Противогаз! С каждым вздохом стекла становились все мутнее и мутнее. А как их протереть? Изнутри...

Когда, наконец, мишени поднялись, Урманов едва разглядел их неясные очертания. Все было словно в тумане. Но медлить нельзя: десять секунд – это так мало.

Он нажал на спуск и автомат двоянным ударом ткнулся ему в плечо. Короткая очередь звонко хлестнула по ушам. Но Урманов привык к автоматным выстрелам и они давно уже не казались ему такими громкими, как в начале... Одна из мишеней упала.

«Попал! – радостно отметил он. Это показалось ему почти чудом. – Стрельба вслепую, по-македонски! Или как там еще... Надо же, елки зеленые!»

Если мишень еще как-то можно было разглядеть, то мушку и прицельную планку приходилось совмещать наугад. Урманов еще дважды сумел выстрелить короткими очередями, но промахнулся.

«Ничего, – успокоил он себя. – Собыю ростовую и все будет в порядке».

У него оставалось еще четыре патрона и десять секунд на показ.

– Плохо!.. Плохо стреляем, курсанты! – строго прокомментировал старший сержант Гуссейнов. – Показ ростовой фигуры. Десять секунд. Следите за полем...

Ростовые мишени появляются еще дальше. Двести метров до них. Урманов стреляет почти наугад. Очередь. Еще... Мимо.

Кольцов тоже промазал. Он вообще ни разу не попал. В результате оценка Урманова «три», а у его напарника – «два».

– Отбой газам! – скомандовал Гуссейнов, становясь возле Урманова. – Оружие к осмотру!

Урманов стянул противогаз, затем отсоединил магазин, прижал его пальцами левой руки к цевью, а правой оттянул до упора затворную раму, показывая старшему сержанту пустой патронник.

– Осмотрено!

Урманов отпустил затворную раму, щелкнул курком, сделав контрольный спуск, и поставил оружие на предохранитель.

– Встать, направо бегом марш!

Курсанты, стяхивая на ходу снег, мелкой рысью затрусили к своему отделению. Сержант Бадмаев встретил их неласково.

– Ну, что, двоечники! – нахмутив брови, строго спросил он. – Это не дело, так стрелять. Будем учиться...

Дождавшись, пока отстреляется вся рота, капитан Курбатов подвел итоги. Они оказались неутешительными. В первом отделении из двенадцати человек личного состава, на «хорошо» и «отлично» отстрелялись всего четверо, во втором – трое, а в третьем и четвертом – и того меньше.

Командир роты собрал отдельно сержантов и очень эмоционально объяснил им, что их ждет, если подобный результат еще когда-либо повториться. Они стояли достаточно далеко, но по отдельным обрывкам фраз, доносящимся оттуда, курсанты поняли – командир не в духе.

Высказав сержантам все, что он о них думал, капитан Курбатов сел в подошедший УАЗик, громко хлопнул дверью и уехал. А командиры отделений вернулись к курсантам. Быстро рассортировав личный состав по группам – отличников и хорошистов налево, остальных направо – сержанты замерли перед строем. По их мрачным лицам читалось: «Не доходит через голову – дойдет через руки и ноги».

Старший сержант Гуссейнов распорядился так. Тех, кто выполнил упражнение на четыре и пять – могут идти погреться в пункт выдачи боеприпасов. Все прочие по команде «Газы!», надев средства защиты, должны добежать до вершины ближайшего холма и вернуться обратно. Причем троечникам достаточно сделать это один раз, а двоечникам – дважды.

– Вопросы? – грозно сверкнув очами, поинтересовался старший сержант у штрафников. Строй ответил молчанием...

– Вопросы? – зловеще повторил Гуссейнов.

– Никак нет! – дружно отозвался многоголосый хор.

– Газы!

Урманов быстро стянул с рук двупалые солдатские рукавицы, сунул их в карман бушлата, затем одним движением открыл противогазную сумку и достал резиновую маску. Зажав снятую

шапку между колен, растянул в стороны неподатливую холодную резину и надел противогаз на голову.

– Бегом марш!

Нахлобучив шапку поверх противогаза, Урманов побежал вместе со всеми. Автомат колотил по спине, ноги проваливались в снег почти по колено. Тяжело было дышать... Воздух втягивался через специальный клапан со свистом и сипением, а обратно выдувался с характерным хрипом: «Хр-р-р-р-р!» И получалось примерно так: «С-с-с-с-с!.. Хр-р-р-р-р!» – «С-с-с-с-с!.. Хр-р-р-р-р!» Воздуху не хватало. Временами Урманову казалось, что он сейчас задохнется... А подъем становился все круче и каждый шаг требовал от него все больших усилий. Набившийся за голенища снег начал таять и неприятно холодил ступни.

«С-с-с-с-с!.. Хр-р-р-р-р!» – «С-с-с-с-с!.. Хр-р-р-р-р!»

Легкие судорожно втягивают воздух через двойные клапана, но он поступает такими ничтожными партиями, что от нехватки кислорода начинает кружиться голова. Хочется сорвать с головы эту ненавистную резиновую маску – и дышать, дышать, дышать!.. Но все терпят. Потому что знают: сорвешь – будет только хуже. Наряд вне очереди обеспечен. И вместо спокойного сна, после всех этих мучений – еще несколько часов ночной работы. Нет, лучше уж потерпеть... Тем более, что вершина – вот она, и можно уже возвращаться обратно. К тому же от сержантов можно ждать какого угодно подвоха. Недавно вот что придумали... Прогнали вот так роту в противогазах километра полтора-два, и потом в овраг завернули. А там – дымовые шапки горят. Дым такой плотный стоит, что ничего не видно, как в тумане. Вот тогда те, у кого клапана были выдернуты – попали... Сразу-то эту резиновую заглушку назад неставишь. Нахватались ребята дыму, накашлялись. До тошноты... Сам-то Урманов тогда благополучно избежал этой участи. Потому как понял уже, что совсем выдергивать клапан не надо. Достаточно просто подогнуть край, и он так будет открытым держаться, воздуху много давать. А если что, достаточно просто пальцем коснуться – клапан сразу на место встанет. Ни один сержант не дернется...

«С-с-с-с-с! Хр-р-р-р-р» – «С-с-с-с-с! Хр-р-р-р-р!»

Урманов чувствует, что сил больше нет терпеть. Воздуха, воздуха не хватает! Или упадет он сейчас без сознания, или маску сдерет. А там – пусть наказывают. Все, предел...

Незаметно указательным пальцем Урманов загибает край тонкого клапана.

«Пум-ф-ф-ф-ф! Хы-ы-ы-ы!.. Пум-ф-ф-ф-ф! Хы-ы-ы-ы!»

Воздух наконец-то пошел в измученные легкие так, как надо... в висках застучало, перед глазами полыхнули желтые круги. Потом сразу стало легче.

Обратный путь оказался короче. Во-первых, под гору; а во-вторых, с подогнутым, открытым клапаном дышалось намного легче... И все же перед тем, как приблизиться к сержантам, Урманов решил не рисковать. Он незаметно провел пальцем под подбородком, и клапан сразу встал на место.

Запыхавшиеся, измученные «троечники» выстроились в шеренгу. Им разрешили снять противогазы. А «двоечников» отправили еще на один круг. Урманов искренне посочувствовал Кольцову.

Не успев как следует отдышаться, курсанты уже получили патроны. И снова на огневую... Но теперь, прежде чем выйти на огневую позицию, Урманов тщательно натер специальным карандашом окуляры и проверил – не запотевают ли стекла. И вот тут удалось наконец выяснить причину плохой видимости... Оказывается, одни карандаши хорошо защищали стекла от запотевания, а другие – нет. Хотя внешне они друг от друга совсем не отличались. После короткой дискуссии решили, что у плохих карандашей, вероятно, вышел срок годности. Поэтому они и не действовали, как надо... Сержанты немного подобрили, но заранее предупредили: кто стреляет ниже, чем на «четверку», опять бежит в противогазе на вершину холма. Курсанты безмолвно согласились. А куда денешься? Побежишь...

Со второй попытки Урманов отстрелялся на «четыре». Сбил ростовую и одну грудную мишени. А по второй грудной промазал. Все-таки через противогазный окуляр целится было совсем несподручно. Его напарник, Кольцов, тоже получил «четыре». Но не у всех и на втором заходе все было гладко. Примерно треть от повторно стрелявших снова оказалась в неудачниках. Пришлось бедолагам опять месить снега на холмистом склоне.

После этого только один курсант стрельнул на «три». Но его решили больше не гонять. Сержанты сжалились и заменили наказание часом неурочных работ после отбоя.

Объявили перекур... Учебная рота столпилась возле двухэтажного здания управления стрельбами, из центра которого массивным цилиндром поднималась к небу смотровая вышка со стеклянным прозрачным куполом. С подветренной стороны здания было не так холодно. Урманов присел на корточки, прислонившись спиной к стене. Рядом расположились ребята из его отделения.

– Мороз и солнце... День чудесный! – улыбнулся Кольцов, пафосным жестом указав в сторону виднеющегося невдалеке нарядного, заснеженного леса.

– Еще ты дремлешь, друг прелестный! – подыгрывая приятелю, нараспев отозвался Гвоздев, поправляя лежащий на коленях автомат.

– Пора, красавица, проснись!.. – с усмешкой изрек Широкопад и шутливо толкнул в плечо сидящего рядом Мазаева. От неожиданности тот повалился набок. Все засмеялись...

Очередной трудный этап позади. Можно было немного расслабиться.

– Строится, рота! – донеслась команда. – Командирам отделений проверить вооружение и снаряжение!

Курсанты построились в две шеренги. Дело привычное... Всегда после стрельб и полевых занятий проводятся такие проверки.

– Первая шеренга, шаг вперед, марш! – приказал сержант Бадмаев. – Кру-у-у-гом!.. Оружие и снаряжение – к осмотру!

Урманов вместе с другими скинул с плеча автомат и, держа его перед грудью, другой рукой отогнул клапан магазинного подсумка. Там чернел ребристый автоматный «рожок»... Вообще, в подсумке было место для четырех магазинов, но на стрельбы обычно брали один или два, в зависимости от выполняемых упражнений. Сегодня в подсумках у всех было по одному.

Курсанты первой и второй шеренги стояли лицом друг к другу. Сержант Бадмаев, проходя по центру разомкнутого строя, смотрел налево и направо и монотонно кивал головой: «Осмотрено... Осмотрено... Осмотрено...» Неожиданно он замер с приоткрытым от неожиданности ртом. У курсанта Пантюхина подсумок был пуст.

– Где?.. – произнес, наконец, Бадмаев, нервно подрагивая изогнутой бровью. – Где магазин, я спрашиваю?!

Побледневший как снег, курсант подавленно молчал.

– Что у тебя там? – поинтересовался Гуссейнов.

– Да вот, че-пэ, Джафарыч! – обреченно произнес сержант. – Боец магазин потерял.

Гуссейнов молча подошел, встал рядом. Под его испепеляющим взглядом Пантюхин совсем поник.

Повисла напряженная тишина. Все понимали: магазин потерять – это не шутка. За такое по головке не погладят. И где его теперь найдешь в этих снегах?

– В каком месте ты мог его потерять? – спросил Гуссейнов. – Хотя бы примерно...

Пантюхин задумался.

– Ну, может, там, на холме... – неуверенно сказал он. – Когда бежали в противогазах.

Гуссейнов помолчал, поигрывая желваками на скулах. Видно было, что он обеспокоен пропажей.

– Короче... – старший сержант обвел взглядом неподвижный строй. – Никто отсюда не уйдет, пока не найдем... Никто... Включая командиров отделений.

Урманов вдруг ощутил, как замерз. Холодный ветер насквозь пронизывал его. Пальцы рук в промокших, оледеневших рукавицах застыли, и отзывалась мучительной, ноющей болью. Ступни ног в задубевших на морозе кирзовых сапогах онемели от холода. Казалось, он стоит босиком прямо на снегу... Мелкая противная дрожь сотрясала тело. И если раньше его согревала мысль, что надо потерпеть еще чуть-чуть – и все кончится; то теперь эта неопределенность лишала последней опоры. Ведь даже минута на таком холоде длилась бесконечно. А тут... Невозможно представить, что будет, если поиски затянутся до вечера.

– Становись! – властно скомандовал Гуссейнов. – Положить... Оружие!.. Снять под-
сумки!

Курсанты послушно разоружились.

– Часовым возле оружия остается сержант Левин.

– Есть!

– Остальные в колонну по одному, за мной бего-о-ом... Марш!

Курсанты вместе с командирами отделений легкой рысью затрусили вслед за Гуссейновым.

Выстроившись у подножия холма в разомкнутую на шаг влево-вправо шеренгу, учебная рота обреченно замерла.

– Вспышка с тыла!

Курсанты привычно попадали в снег... На сержантов команда не распространялась. Сутулясь от ветра, они стояли возле своих отделений.

– По-пластунски, вперед, марш!

Загребая руками и ногами взрыхленный, взбитый снег, Урманов вместе со всеми пополз к вершине. Снег забивался ему в рукава, за голенища сапог, неприятно холодило и без того застывшее тело.

«Это безумие... Мы все здесь погибнем... Зазря... Ведь все равно ничего не найти!»

Ползти по глубокому снегу было тяжело. Только головы курсантов виднелись из глубоких борозд. Урманов отчаянно работал локтями, метр за метром продвигаясь вперед. Путь до вершины холма казался бесконечным. Даже летом по твердой земле доползти туда по-пластунски было бы не просто. А сейчас, по горло в снегу и вовсе невыносимо... Но никто не роптал, и Урманов, выбиваясь из сил, полз вместе со всеми.

Багровое солнце склонялось к горизонту. В его красноватых лучах клубились розовые облачка пара, поднимавшиеся над головами отчаянно барахтающихся в снегу курсантов. Ветер стих, и в предвечерней тишине слышалось только многоголосое тяжелое дыхание, сопение, кряхтение, иногда сопровождаемое невнятным бормотанием, в котором можно было угадать слова, с детства знакомые уху каждого русского человека.

Вот и вершина... Урманов обессилено уронил голову на сложенные перед собой руки. Чувства притупились, и мыслей тоже не было уже никаких. На уме только одно – сейчас развернут и отправят ползком вниз, и опять все снова...

– На-а-а-ше-о-о-ол!.. На-а-а-ше-о-о-ол!

Урманов вскинул голову. Не может быть! Неужели? Этот дикий, отчаянный крик прозвучал, как колокол спасения. Это было похоже на чудо.

– Наше-о-о-ол! Наше-о-о-ол! – продолжал орать курсант Мазаев, вскидывая над головой злополучный магазин.

Со всех сторон ему откликнулись радостные голоса. Учебная рота ликовала.

Пользуясь тем, что есть время, Урманов решил быстро перемотать портянки. С трудом стянув кирзовый сапог, он вытряхнул из него набившийся снег и стоя на одной ноге, как аист, поджав другую, босую, засунул руку в голенище. Нашупав скомканную заледеневшую портянку, он потянул ее, но она не поддавалась. Оказалось – примерзла к подошве... Дернув сильнее, Урманов все же выдрал ее из сапога и потер в озябших руках, придавая ткани хоть какую-то

гибкость. Затем быстро обмотал этим полуледяным куском материи покрасневшую от холода ступню и сунул обратно в сапог... Вторую ногу пришлось переобувать так же.

Спустившись вниз, курсанты построились возле оставленного оружия. Гуссейнов приказал снова проверить наличие вооружения и снаряжения. На этот раз все сошлось.

– Пусть это послужит вам хорошим уроком, – сказал напоследок Гуссейнов. – Утеря военного снаряжения – серьезный проступок. И отвечать за это, в случае чего, придется не только вам, но и вашим сержантам. Так что имейте ввиду...

Курсанты стояли с ног до головы облепленные снегом. В сизых вечерних сумерках у них за спиной, на смотровой вышке, зажигались яркие огни.

– Ну, что нахохлился, как воробей? – Гуссейнов шутливо потрепал Пантюхина по щеке. – Замерз?

– Так точно, – смущенно ответил он.

– Ничего... Десять минут – и мы дома... Рота! Напра-а-аво! Бегом марш!

Глава 5

В пол седьмого утра в декабре еще темно. Озябшая, полусонная колонна строем двигается по пустынным городским улицам. Сегодня в учебной роте – банный день. А это значит, что вместо привычной утренней зарядки, курсантов ждут более приятные дела. Попариться вволю, отогреть застывшие тела и души. Кроме того, день сегодня особенный, праздничный – тридцать первое декабря. Новый год... Курсант Панчук в строю негромко шутит: «А у нас традиция такая... Тридцать первого декабря мы всегда с друзьями ходим в баню...» Это он намекает на фильм, который уже не один десяток лет крутят на телеэкранах страны в канун праздника. Все, кто рядом, понимающе смеются... И лишь курсант Широкоград скептически ухмыляется: «Только не надейтесь, что кому-нибудь из вас удастся сегодня улететь в Ленинград».

Курсанты шагают, держа под мышкой свертки с новой парой белья, чистым полотенцем и прочими «мылорыльными» принадлежностями. Урманов идет рядом с Гвоздевым. Тот, полуприкрыв глаза, кажется, спит на ходу... Урманов мечтательно вздыхает. Ему вспоминается детство, далекий и родной северный городок. Там, недалеко от его дома тоже была баня. Он с друзьями иногда ходил туда... Конечно, дома под душем тоже можно помыться, но баня... Это особое удовольствие. Для некоторых – устоявшийся ритуал.

Урманов вспомнил, как каждую пятницу, прямо с утра, тянулись к банному комплексу вереницы местных мужчин. Так было заведено: попариться, потом выпить пивка или чего покрепче, посидеть, поговорить... Мальчишкой еще застал он то время, когда приходили в баню много повидавшие, старые фронтовики. Убеленные сединами, важно и неторопливо поднимались они на парной полки. Молодежь с готовностью теснилась, уступая им место... В бане все равны и на голую грудь орденские планки не нацепишь. Но их иссеченные пулями и осколками тела говорили о многом. Мальчишки украдкой поглядывали на эти страшные боевые рубцы и мысленно представляли их на поле боя. Они были настоящими героями, эти Кузьмичи, Ивановичи, Петровичи... Казалось, сама эпоха оставила на них свои особые отметины, как ставят пробку на золотых слитках.

– Подтянись! Шире шаг!

Колонна втягивается в банный дворик. Здесь еще ни души... Баня начинает работать с девяти часов. До этого времени курсанты уже должны помыться.

Подъезжает ротный старшина Гладченко на командирском УАЗике. Два курсанта выгружают из машины объемные баулы, набитые новыми байковыми портянками. Сонный сторож, гремя ключами открывает навесной замок и пропускает их внутрь. Следом, один за другим, ныряют в ласковое банное тепло продрогшие на морозе курсанты.

Урманов, Гвоздев и Кольцов, скинувшись на троих, покупают у сторожа сухой березовый веник. Потом встают в очередь за новыми портянками. Прапорщик Гладченко контролирует процесс, а выдает их – ротный каптерщик, курсант Гомзикив.

– Дай мне вон те, с краю, – просит Кольцов.

– Бери любые, они все новые, – невозмутимо роняет каптерщик.

– Да, а в прошлый раз кто мне рваные впарил?

– Ну, так заменили же...

– Заменили, – недовольно морщится Кольцов. – А если бы вовремя не заметил? Ходи потом с дыркой на пятке.

– Да какая разница, – парирует Гомзикив. – Все равно они новые только до первых полевых занятий. А там...

Каптерщик прав. Новыми, безупречно белыми и нежно-мягкими портянки оставались недолго. Но хоть полдня в такой роскоши походить – и то за счастье.

Выставшая за ночь баня была еще как следует не прогрета. Однако курсанты не замечали этого. Быстро скинув в расстеленную на полу простынь старое белье и портянки, они шумной гурьбой устремились в моечное отделение.

Кольцов замочил веник в тазу с горячей водой, а Гвоздев тем временем обдал кипятком скамейку. Урманов, сполоснув таз, наполнил его водой и поставил на край скамьи.

– Пойдем в парилку?

– Пойдем...

В парной уже было полно народу. Урманов, осторожно ступая по горячим половицам, поднялся на самый верх. Гвоздев и Кольцов забрались следом.

– Поддайте парку, пацаны!

– А дурно вам там не станет? – Мазаев, как заправский банщик, в матерчатых рукавицах-верхонках, наполнил горячей водой объемистый медный ковш на длинной ручке.

– Не станет, – в тон ему ответил Кольцов. – Плесни-ка давай на камеленочку.

Глухо лязгает металлический засов на высокой стене, со скрипом открывается железная, закопченная до черноты дверца. За ней в темной глубине едва угадываются сложенные друг на друга большие раскаленные камни. Мазаев осторожно отводит ковш назад, изготавливается к броску.

– Ш-ш-ш-ш-у-ух! – струя горячего пара с силой вырывается из узкого закопченного проема и мгновенно заполняет собой пространство. Все, кто наверху, инстинктивно пригибаются, закрывая ладонями уши.

– О-о-о-о!

– У-у-у-у!

Урманов с Гвоздевым не могут сдержать эмоций.

– Еще? – спрашивает Мазаев, картинно опираясь на длинную рукоять ковша.

– Нет, хватит... Пока достаточно.

Урманов чувствует, как горячая волна пара накрывает его, обволакивает со всех сторон, и от этого всепроникающего ласкового тепла щемит в груди, перехватывает дыхание. Хорошо... Он ощущает это каждой клеточкой своего намерзшегося, уставшего от холода тела.

В последнюю неделю морозы были особенно сильными. Даже в казарме не всегда удавалось согреться. Только под одеялом можно было недолго побыть в тепле. Да и то, под утро, сквозь сон, уже начинало знобить. Поэтому Урманов, дорвавшись до щедрого, настоящего тепла жадно спешил вобрать его в себя как можно больше, с запасом, чтобы хватило хотя бы до вечера.

Хлесткие удары мокрых веников по распаренной коже, довольное урчание и стоны... Праздник души и тела. Урманов обвел взглядом парилку. В тусклом желто-красном свете проступали очертания сослуживцев. Крепкие, мускулистые, молодые... Гвоздев, Чухломин, Кольцов – сложены, как античные боги. Бери любого и лепи скульптуру. Мекеланджело бы обзавидовался... На их фоне худой и жилистый Мазаев выглядит не очень убедительно. Но это только на первый взгляд. Присказка: «Не смотри, что я плохо скроен. Зато крепко сшит», – это про него. Нет здесь слабаков. Все как на подбор – сильные, крепкие, выносливые. Каждый двоих, а то и троих стоит. Настоящие воины... Жаль только, что любоваться некому – невесты далеко.

– На, – Гвоздев протянул Урманову взлохмаченный веник. – Твоя очередь.

Урманов спустился вниз, промыл его под струей горячей воды и снова поднялся на полук.

«Ш-ш-ш-у-у-ух!» – очередная порция горячего, обжигающего пара с шипением вырвалась из узкого закопченного проема, как из жерла вулкана.

– О-о-о-о-о! – восторженно откликнулись курсанты, продолжая охаживать себя вениками по мокрому распаренным телам.

Урманов вдоволь нахлестался, нагрелся, напарился... До изнеможения, до темноты в глазах. Что называется, отвел душу. Пора было на выход.

Держась за горячий деревянный поручень, он медленно спустился с полка, толкнул тяжелую пружинистую дверь и вышел из парной в моечный зал. Пойдя мимо скамьи, где намыливались Кольцов с Гвоздевым, он окатился заранее приготовленной чуть теплой водой из таза и двинулся дальше в прохладный предбанник – надо было немного прийти в себя.

Тяжело опустившись на окрашенную серой краской прохладную скамью, Урманов откинулся спиной к деревянной спинке и расслабленно вытянул ноги. От разгоряченного, покрасневшего тела поднимался пар... Он вспомнил, как в детстве мылся в дедовской бане, а после любил посидеть в саду, под раскидистой черемухой. Прохладный ветер обдувал разгоряченное лицо; запахи трав, цветов и буйной зелени сливаясь в один, особенный аромат, кружили голову; а на душе царили – покой и блаженство...

– Заканчивай помывку! Через пятнадцать минут построение!

Команда сержанта оборвала сладостную негу. Урманов нехотя поднялся и двинулся в моечное отделение. Надо было еще успеть намылиться, потереться мочалкой и выпить пару стаканов прохладного клюквенного морса, которым приторговывал на входе все тот же пронырливый банный смотритель.

На построении в роте Урманов узнал, что заступает во внутренний наряд. Это означало, что в течение суток, он и еще двое курсантов с их отделения будут посменно, по четыре часа, стоять одетые в парадную форму по стойке смирно возле входа и при появлении посторонних давать команду «Дежурный по роте, на выход!», а так же – встречать своих офицеров командой: «Рота смирно!» Дежурным по роте всегда назначался тот сержант, из чьего отделения заступали в наряд дневальные. Значит, сегодня им будет командир второго отделения сержант Бадмаев.

В обязанности дневальных – а именно так именуется должность курсанта, заступающего во внутренний наряд – кроме восьмичасового, с разбивкой на четыре часа бдения на «тумбочке», входят еще многочисленные обязанности по поддержанию в расположении образцовой чистоты и порядка. На сон за сутки предусматривается не более шести часов, и то, в большинстве своем, – с перерывом.

Давным-давно, еще школьником, услышанное где-то выражение «стоять на тумбочке», Урманов воспринимал почти буквально. Он думал, что солдат забирается на какое-то специальное возвышение, и стоит себе, службу несет... Но на самом деле оказалось, что солдат стоит не на тумбочке, а возле нее. И для чего она ему нужна – тоже не ясно. Вроде там ничего ценного не лежит, и опереться он на нее не имеет права, а уж присесть – тем более. Не дай бог офицеры или сержанты увидят – сразу накажут. Однако, так, видимо, в армии положено – где дневальный, там и тумбочка... Свободного времени у дневального немного. Все время надо что-то мыть, тереть, драить, заправлять. Причем, делать это надо очень качественно, на совесть. Потому что если сержант проведет где-либо белоснежным платочком и на этом платочке обнаружится грязь – тут же последуют определенные выводы.

Конечно, в сержантской школе, да и вообще в армии физические наказания официально запрещены. Но и по Уставу человека можно так грамотно запрессовать, что мало не покажется... Допустим, если вдруг какой-нибудь молодой солдат решит показать свою гордыню, типа «а пошли вы все...», то у сержантов на это имеется несколько способов воздействия.

Во-первых, физические упражнения... Если для основной массы солдат они начинаются и заканчиваются на спортгородке или в спортивном зале, то для непокорного индивидуума они могут продолжиться и в казарме. А так же в учебном классе, на улице, где угодно. Любой перерыв в занятиях, любая свободная минута превращаются в мучительную пытку. «Курсант Иванов! Упор лежа принять!.. Делай раз! Делай два!» И так – до полного физического истощения. А на внезапный вопрос кого-нибудь из старшего офицерского состава, можно будет ответить: «С курсантом проводятся индивидуальные дополнительные занятия по физической под-

готовке» – «В связи с чем?» – «В связи с тем, что регулярно показывает слабые результаты» – «Отлично! Продолжайте, сержант... Слабые результаты отдельного солдата – это минус всему подразделению в целом»

Во-вторых, еще одним не менее эффективным способом может быть моральное воздействие. Постоянное, ни на минуту не ослабевающее давление на психику. «Курсант Иванов! Ко мне!» – «Отставить!» – «Ко мне!» – «Отставить!.. Команда ко мне выполняется бегом!» – «Кру-у-у-гом! Бегом марш!» – «Курсант Иванов, ко мне!» – «Отставить!» – «Ко мне!» – «Отставить!.. По команде отставить курсант обязан вернуться в исходное положение» – «Ко мне!» – «Отставить!» – «Вспышка с тыла!» – «Отставить!» Выполняя команды, отдаваемые сержантом, казалось бы, в полном соответствии с уставом, курсант тем не менее понимает их агрессивную сущность. Но формально не выполнить, не имеет повода. А на внезапный вопрос какого-нибудь старшего офицера «Что, собственно, здесь происходит?» есть убедительный ответ: «С курсантом проводятся индивидуальные дополнительные занятия по изучению Устава» – «Продолжайте, сержант. Устав, это-о-о...» Кроме того в Уставе ведь написано не только правильное выполнение той или иной команды. Там в законном порядке зафиксировано множество мелочей, на которые в обыденной жизни мало кто обращает внимание. Ну, подумаешь, шеврон нарукавный на полтора миллиметра ниже пришит, или подворотничок вместо двух миллиметров, на два с половиной выглядывает? Кто на это смотрит? А так – будьте любезны... Можно специально подойти с линейкой и померить, какое расстояние между пуговицами, например? Или еще что-нибудь придумать... Устав – очень толстая книжка. Там много чего написано.

В третьих, тяжелая, утомительная и не очень приятная в эстетическом отношении работа... Например, чистка унитазов и умывальников в туалете. С последующим мытьем полов. Причем, это только кажется, что такая работа может быть когда-либо закончена. При отношении предвзятом, всегда можно найти какую-нибудь грязь. И устранять, устранять недостатки...

В четвертых, лишение сна... Это один из самых эффективных способов воздействия. Когда курсант заступает из наряда в наряд, когда на вполне, казалось бы, законных основаниях, продолжает трудиться вместо отбоя или изучать положения Устава вместо сна.

Для наиболее быстрого достижения результата все эти способы можно применять в совокупности. И тогда через два-три дня взбрыкнувший было военнотруженик, становится шелковым. Для особо строптивых можно растянуть это удовольствие на неделю. Больше-то вряд ли кто выдержит... В итоге служивому ничего не остается, как беспрекословно выполнять приказания своих непосредственных командиров. Или идти жаловаться вышестоящему командованию, в комитет солдатских матерей, в комиссию по правам человека или еще куда... Но при таком раскладе теряется весь смысл восставшей гордыни. Человек автоматически в глазах коллектива становится стукачом, изгоем... Ведь никто же его не заставлял свой гонор показывать, крутого из себя изображать. Вот и получай свое!

Урманов знал обо всех этих способах воздействия на непокорных и был с ними абсолютно согласен. Надо соблюдать правила игры. И не только в армии, но и вообще, в жизни... Самому Урманову не пришлось бы в голову перечить сержантам. Уважение к старшим было у него в крови. Да и против суровых армейских порядков он ничего не имел. Какая же это армия без дисциплины?

– Кто в наряд идет – парадки получать!

Курсант Гомзикив, каптерщик учебной роты, поигрывая увесистой связкой ключей, важно подбоченился на проходе. Он вальяжен, нетороплив, значителен... Новая зимняя ушанка, сияя желтой кокардой, небрежно сдвинута на левое ухо. Выразительный мясистый нос, полные губы, слегка одутловатые гладко выбритые щеки. Под белесыми редкими бровями

в обрамлении бесцветных коротких ресниц – светло-голубые глаза. Такого же цвета, как весенние подтаявшие льдинки. Почти прозрачные...

Вообще-то, официально должности каптерщик в роте нет. Но все называют его именно так. От слова каптенармус. Как когда-то давно в русской армии именовали должностное лицо, отвечающее за учет и хранение оружия и имущества в ротном складе.

– Вот тебя угораздило... На Новый год – в наряд попасть, – Гомзиков сочувственно покачивая головой, подает Урманову парадный китель на вешалке. Они с Урмановым земляки, призывались с одного военкомата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.